

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

АЛХИМИЯ ИЛЛЮЗИЙ

Авантюрная мелодрама

Антон Леонтьев

Алхимия иллюзий

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Алхимия иллюзий / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2018 — (Авантюрная мелодрама)

ISBN 978-5-04-098454-1

Когда Вика понимает, что ее новый друг Виктор Титов вовсе не так прост и безобиден, как кажется на первый взгляд, оказывается уже поздно. Виктор прочно входит в ее жизнь, а Викины родители обожают нового друга дочери и даже видят в нем будущего зятя. Никто, кроме нее, не замечает, что это на самом деле за человек и какие страшные тайны скрывает не только его прошлое, но и настоящее. И помощи ждать неоткуда, ведь Виктор не погнушается и убийством, чтобы заставить Вику остаться рядом с ним. Он назначает ее своим идеалом и не намерен от него отказываться, невзирая на желания самой девушки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098454-1

© Леонтьев А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Антон Леонтьев

Алхимия иллюзий

© Леонтьев А.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Из всех видов любви самая прекрасная – это любовь неразделенная,
потому что она никогда не проходит.*

Аноним

– Тебе помочь? – услышала Вика позади себя тихий приятный голос. Отбросив со лба волосы, она обернулась и заметила на крыльце школы невысокого худощавого паренька с короткими темными волосами.

Не дожидаясь ее ответа, паренек нагнулся и принялся собирать разлетевшиеся по ступенькам тетради и учебники: в царившей за пару минут до начала занятий суматохе кто-то, чье лица Вика не видела, довольно сильно толкнул ее в спину, отчего она, потеряв равновесие, выронила из рук портфель.

Паренек подал ей несколько тетрадей, вылетевших из портфеля, и, внезапно застенчиво улыбнувшись и одарив взглядом арктически-ледяных глаз, сказал:

– Меня зовут Витя. То есть Виктор. А тебя?

Пронзительно протрещал звонок, оповещавший, что учебный день – ее первый в новой школе – начинается. Вика, хватая тетради, которые протягивал ей неожиданный помощник, ответила:

– Надо же, совпадение... Потому что меня зовут Вика. То есть Виктория.

На мгновение ее пальцы соприкоснулись с пальцами паренька, столь любезно ей помогавшего, – странно, однако он отчего-то не отпускал тетради, внимательно глядя на девушку.

И на мгновение – *всего на мгновение!* – Вике сделалось страшно, однако она тотчас прогнала это чувство, потом что незнакомый ей парень (теперь, впрочем, знакомый, ведь он назвал свое имя) был столь предупредительный. Добрый.

Безобидный.

И единственный знакомый человек в этой новой школе, в новом городе, куда в самый разгар учебного года получил направление ее отец. Именно по этой причине им пришлось переехать из столицы соседней области, где у Вики было все: друзья, родственники, любимая школа, любимые учителя и любимые места, – сюда, в этот город на большой реке.

И это за год с небольшим до выпускного!

– Поверь мне, это *не совпадение*, – услышала она тихий голос своего нового знакомого и подумала, что ослышалась. Она даже хотела спросить его, что он имеет в виду, но Виктор протянул ей два учебника, с которых бережно сдул пылинки, и сказал:

– Это ведь тоже твое...

Вика кивнула, поднялась на ноги и вдруг поняла, что не имеет ни малейшего понятия, куда ей идти. Крыльцо школы, в которой ей предстояло учиться после переезда в новый город, вдруг внезапно опустело – только она и ее новый знакомый.

– Извини, а ты не подскажешь, где сейчас занятия у десятого «Б»? – произнесла Вика, оглядываясь в поисках пенала – этот пенал, сделанный из кожи и расшитый разноцветным бисером, был подарком дяди Васи на ее день рождения.

За три недели до того, как дядя Вася погиб в нелепой автокатастрофе.

– Ты что-то ищешь? – спросил ее знакомец, и Вика ответила:

– Да, мой пенал... Он был тут...

Виктор наморщил лоб и, качнув головой, ответил:

– Наверное, он отлетел в сторону, и его просто кто-то прихватил. Нехорошо получается. Хочешь, я пройду по классам и спрошу, кто его взял?

Он взглянул на Вику своими арктически-ледяными глазами, и Вика поняла – он в самом деле это сделает, причем *немедленно*.

– Спасибо, не надо. Да и тебе наверняка не разрешат...

– Я и спрашивать не буду. Просто сделаю! Он ведь тебе дорог?

Вика кивнула, и Виктор ринулся куда-то в коридор с явным намерением пройти по классам и найти того, кто стащил ее пенал, действительно красивый и, безусловно, притягательный, как из этого коридора навстречу Виктору шагнул абсолютно лысый приземистый мужчина в плохо сшитом костюме и нелепом горчичном галстуке.

– Это что за непорядок? – произнес он, кладя руку на плечо Виктору. – Ты куда это собрался?

Вика заметила, как Виктор вздрогнул, а на его лице застыло странное выражение, причем до такой степени *странное*, что ей сделалось не по себе. Однако это выражение столь же быстро улетучилось, как и возникло, и Виктор тихо произнес:

– Мне очень надо. Уберите руку, пожалуйста. Я не люблю, когда до меня дотрагиваются.

Тип в костюме, кажется, не расслышав его реплики, подошел к Вике и спросил:

– Ага, ты ведь наверняка новенькая... Где же у меня было записано...

Он вытащил из кармана костюма бумажку, развернул ее и прочитал:

– Косачева Виктория, десятый «Б». Твое добро?

Он подал ей карандаш, и Вика поблагодарила типа в костюме.

– Так, меня зовут Михаил Вячеславович, я завуч по учебной части и в данный момент и. о. директора. И очень не люблю, когда ученики вверенной моему попечению школы опаздывают на занятия!

Вика с трудом сдержала вздох разочарования: этот малопрятный тип в плохо сшитом костюме с клоунским галстуком так был не похож на элегантную ироничную директрису ее бывшей школы!

– А ты, должно быть, Титов Виктор? – продолжил завуч, по-прежнему стоя спиной к Виктору. – Тоже новенький. Из десятого «В».

– Нет, я тоже из десятого «Б»! – произнес Виктор, и Михаил Вячеславович, обернувшись, скороговоркой произнес:

– Не перебивать. Не перечить. Не умничать. Раз я сказал десятый «В», значит, и будет десятый «В»!

Вика, снова сдержав вздох, дипломатично произнесла:

– Михаил Владиславович, быть может...

Завуч уставился на нее и крикнул:

– Вячеславович я, *Вячеславович!*

Вика, зная, что обладает красотой и шармом, перед которыми не могут устоять мужчины любых возрастов, улыбнулась и продолжила:

– Извините, Михаил *Вячеславович*. Но, быть может, вы определите нас в один класс? Мы – двое новеньких, никого тут не знаем, так будет проще...

Она заметила, как угрюмое лицо Виктора просветлело, на нем возникло некое подобие улыбки.

Но завуч сердито посмотрел на Вику и заявил:

– Ничего не проще! И вообще, не знаю, какие у вас в старой школе царили порядки, но здесь решения руководства не обсуждаются!

А руководством – и это было совершенно понятно – являлся этот самый Михаил Владиславович. Ну, то есть *Вячеславович*.

– И все-таки, быть может, имеется возможность... – начала Вика, но завуч прокричал ей в лицо:

– Не имеется! Как я сказал, так и будет! И вообще, урок уже десять минут как идет, а вы тут прохладаетесь. Я такое не потерплю!

Вика отвела взгляд – не хватало еще, чтобы этот самодур сделался новым директором. И в очередной раз поняла, как ей недостает всего: своих друзей, своей школы, своих учителей. *Своего города*.

– Не кричите! – послышался тихий голос Виктора, и Михаил Вячеславович, в этот раз отлично расслышав его реплику, повернулся к нему и проскрипел:

– Ты что-то сказал, как тебя... Титов?

Вика заметила, как Виктор на глазах съежился, словно врастая в пол. Рука завуча вновь опустилась ему на плечо.

– Уберите руку... – простонал Виктор, а завуч ухмыльнулся:

– А что, если не уберу?

Виктор вдруг поднял глаза – и стоявшая рядом Вика вздрогнула: такой пронзительный и пробирающий до костей был у него взгляд.

– Я не выношу, когда до меня дотрагиваются... Уберите руку... – прошелестел Виктор едва слышно, и завуч, отдернув руку, провозгласил:

– Ну, ты мне тут не балуй, Титов! Дисциплина превыше всего! Вам пора в классы. У десятого «Б» сейчас русский язык, а у десятого «В» физкультура. Тебе туда, Титов!

Он указал на противоположный коридор, который вел к спортивному залу. Завуч надумал проводить Вику до класса, самолично завел ее в кабинет, представил коллективу и преподавательнице и, пожелав всего наилучшего, скрылся.

Вика не знала, куда ей сесть, лихорадочно думая о том, что вряд ли эти незнакомые подростки смогут стать ее друзьями.

Своих *настоящих* друзей она оставила в родном городе.

Одна из девиц, сидевшая за первой партой, улыбнулась ей, и Вика опустилась на стул рядом с ней. Урок продолжился, и Вика многое бы дала, чтобы он никогда не закончился. Однако прозвенел звонок, занятие завершилось.

Вокруг нее посыпались шутки, пошли разговоры. Вика не знала, как себя вести, и ждала, когда же ее новые одноклассники покинут кабинет.

Внезапно около нее появился рослый спортивный блондин, одарив ее ослепительной белозубой улыбкой, он спросил:

– А твой предок – новый проректор в универе, ведь так?

Вика уныло кивнула: по этой-то причине они и переехали в этот город! На старом месте отец был только деканом, а здесь стал проректором и заместителем ректора.

– Круто! – произнес блондин и протянул ей широкую ладонь. – Меня зовут Игорь. Для друзей – Игорек. Для *очень* близких друзей – Игорюнчик.

– Твой папа – новый проректор? – раздалось сразу несколько голосов, и Вика тотчас оказалась в центре внимания одноклассников. – Ой, а нам всем в следующем году туда поступать...

– Ну, не всем, – заметил вальяжно Игорь, на которого, как уже успела отметить Вика, местные девицы взирали с явным вождением. – Кто-то, не исключено, и в Москву подается.

И, подмигнув Вике, произнес:

– Хочешь, я тебе школу покажу? Ведь я – самый крутой здесь чувак. По мне все эти дуры сохнут. Кстати, ты можешь называть меня Игорюнчик...

– Как прошел твой первый день? – спросила вечером, во время ужина, у Вики мама. Гостиная их огромной, расположенной в престижной сталинской высотке пятикомнатной квартиры была еще обставлена не до конца: у стен громоздились ящики, но рабочие уже водрузили на крюк большую хрустальную люстру.

Отца еще не было – он задерживался на работе, однако отец *всегда* задерживался на работе. Мама уже давно смирилась с этим. И она переезду в новый город радовалась, здесь она без проблем получила место заведующей гастроэнтерологическим отделением в одной из городских больниц.

– Все отлично, – ответила Вика и вдруг поняла, что это не пустая фраза и не ложь: все в самом деле *было отлично*. Уже к концу третьего урока она чувствовала себя так, как будто находится среди старых знакомых. Душой она не была и понимала, что многие желают подружиться с ней именно по той причине, что ее отец – новый проректор в местном университете.

Однако кто сказал, что она должна отвергать *подобных* друзей?

– Ну и хорошо, – улыбнулась мама, наливая из фарфоровой супницы первое. – А какое у тебя самое запоминающееся событие первого дня?

Вика задумалась. *Знакомство с Игорем*? Он, конечно, очень приятный молодой человек, хотя фанфарон и зазнайка – и в этом очень похож на Максима, ее одноклассника из прежней школы.

Нет, *вряд ли*.

То, что ей посчастливилось блеснуть знаниями на уроке химии? Как выяснилось, преподавали химию тут не ахти, да и учительница, похоже, была далеко не самая лучшая. Поэтому не стоило особого труда решить у доски задачу, казавшуюся многим *очень сложной*.

Нет, *и не это тоже*.

Или тот факт, что на большой перемене местные красавицы стали выпытывать, откуда у нее имеются такие шикарные джинсы и такой крутой перстень. Их внимание Вике даже не льстило, а воспринималось назойливой попыткой записаться в ее лучшие подруги.

Нет, уж точно *не это*.

Но тогда что? Вика на мгновение закрыла глаза и вдруг вспомнила, как на большой перемене мельком увидела из окна группку великовозрастных парней, что стояли во дворе вокруг того самого Виктора Титова, который утром помог ей. Один из типов, с прыщавым лицом и глумливой ухмылкой, тыкал Виктора в плечо пальцем, остальные гоготали. Ситуация не была угрожающая, скорее всего, неприятная: местная шпана «учила жизни» странноватого новичка.

Однако Вике запомнилась напряженная поза и странное выражение лица Виктора, а также его руки, сжатые в кулаки, причем с такой силой, что они сделались бескровно-белесыми.

Вика помнила, что обратилась к сопровождавшему ее Игорю с вопросом, кто эти парни, и тот, презрительно цыкнув, заявил:

– А, Дуремар и его «шестерки». Так, шакальничают помаленьку. Если посмеют на тебя вякнуть, скажи мне, я их вмиг уделаю.

Вика хотела было попросить Игоря, который пользовался несомненным авторитетом у всех в школе, сделать так, чтобы этот самый Дуремар (крайне неприятный прыщавый второгодник-переросток) оставил в покое Виктора, однако не решилась сказать об этом сразу, а потом перемена закончилась, и Вика обо всем забыла.

Странно, что вспомнила сейчас. Да, надо было попросить Игоря *немедленно* вступить за Виктора.

– Встреча с завучем... – ответила Вика на вопрос мамы, вдруг осознав, что пауза, следовавшая за ее вопросом, уж слишком затянулась. – Он такой малопрятный, властный тип...

Но мама, услышав звук открывающейся входной двери, не дослушав ее, быстро прошла в прихожую. Вика отправила в рот очередную ложку с грибным супом.

То, что у отца была *любовница*, Вика узнала случайно, но шоком это для нее не стало. Она видела, что у родителей *крайне сложные* отношения. Но в разводе не были заинтересованы ни мама, ни отец. Вика знала, что мама приложила немалые усилия, чтобы оторвать отца от любовницы, и что именно по маминой инициативе отец подал документы на место проректора в университете соседней области.

– Добрый вечер, солнышко! – Отец поцеловал ее в щеку. – Как дела?

– Все хотят подружиться со мной, потому что я проректорская дочка! – ответила Вика, отец расхохотался, а мама заявила, что нечего говорить глупости и что все хотят подружиться с ней, потому что она такая красивая, умная и добрая девочка.

Последовал ужин, как в старые добрые времена. Однако, прислушиваясь к басу отца и воркованию мамы, Вика вдруг поняла, что все безвозвратно изменилось. Все делали вид, что все было как и раньше.

До того, как у отца появилась любовница.

Но вернуть прошлое невозможно – и переезд в другой город ничего не изменил. Вика почувствовала, как ей тоскливо и одиноко. Интересно, а столь любовно взирающие друг на друга родители, мило перебрасывавшиеся фразочками о первом рабочем дне на новом месте, тоже себя так ощущают?

Но по крайней мере у нее есть родители, хотя бы и с *очень сложными отношениями*. У нее появились друзья – и пусть только по той причине, что она проректорская дочка. А вот *кто* был у Виктора Титова?

Вика в очередной раз подумала о парнишке с арктически-ледяными глазами, впрочем, сама не зная отчего.

– Что, псих, опять бычишься? – донеслось до Вики, вывернувшей из-за угла. Ее глазам предстала малоприятная сцена: Дуремар в окружении своих преданных «шестерок», таких же двоечников, как и он сам, издевался над Виктором Титовым.

С момента переезда и начала учебы в новой школе незаметно пролетел месяц – приближались майские праздники, весна преобразила город, который, как поняла Вика, был не таким уж и кошмарным, как она себе вначале представляла.

За это время Вика практически не сталкивалась с Виктором, хотя время от времени и думала о нем.

Дуремар, действия которого сопровождал гогот его челяди, ткнул пальцем в грудь Виктора, а тот – с закрытыми глазами и побелевшим лицом – прошептал:

– Я не выношу, когда до меня дотрагиваются...

– А я не выношу, когда меня домогаются! – пропищал идиотским голосом один из сопровождавших Дуремара типов.

Группка местных хулиганов залилась отвратительным смехом.

– Оставьте его наконец в покое! – заявила Вика, и команда дуремаровцев вдруг повернулась в ее сторону. Их предводитель, оставив предыдущую жертву, вразвалочку приблизился к Вике. Девушке внезапно сделалось страшно.

– Ой, а кто это у нас такая тут объявилась? – произнес Дуремар, вплотную приближаясь к ней, так что Вика ощутила запах его пота. – Телочка нашего Игорясика!

Дуремаровцы подобострастно заржали, а Вика ледяным тоном произнесла:

– Что ты себе позволяешь?

Дуремар положил ей руку на грудь и прогнусавил:

– Что хочу, то и позволяю! Или ты только нашему супергерою Игорьку даешь? Или, быть может, тому тоже?

Он ткнул пальцем в сторону Виктора, который по-прежнему с закрытыми глазами и сжатыми до белых костяшек кулаками стоял в некотором отдалении.

– Убери руку, – произнесла спокойно Вика. Дуремар дернулся, но лапу все же не убрал, однако поинтересовался:

– А если не убери, то *что* тогда?

Вика залепила ему пощечину, а потом инстинктивно вытерла о джинсы пальцы, на которых остался жир от прыщавого лица Дуремара.

– Ах ты, шлюшечка... – начал Дуремар, и Вика заметила, как его «шестерки» взяли ее в кольцо. – Сейчас я тебе покажу, что с такими строптивыми происходит!

Но до того, как Дуремар успел что-то предпринять, произошло нечто неожиданное: послышался низкий утробный звук, а потом раздался дикий вопль. Вика заметила, как Виктор, лицо которого было похоже на маску, боданул головой одного из хулиганов, да так сильно, что тот отлетел на несколько метров и ударился спиной о бетонную стену.

Остальные «шестерки» тотчас переключили внимание на Виктора, Дуремар завопил:

– Мочите его, мочите! Ну, ногами, придурки!

Всклипывая, Вика бросилась в обратном направлении и налетела на одного из приятелей Игоря, шедшего ей навстречу.

– Там, там! – ткнула она пальцем в сторону потасовки.

Приятель Игоря, организовав подмогу, ринулся в сопровождении своей команды на дуремаровцев.

Драки не вышло, потому что все происходило на заднем дворе школы и кто-то донес о случившемся Михаилу Вячеславовичу. Завуч, сопровождаемый физкультурником, трудовиком и обэжэшником, выскочил на улицу, но к тому времени все ретировались, на земле остался только окровавленный, тяжело дышавший Виктор.

Вика, присев около него, прикоснулась, а потом отдернула руку, вспомнив, что Виктор *ужасно не любит*, когда до него дотрагиваются.

Но тут внезапно он сам схватил ее руку и, прижав ее ладонь к своей щеке, прошептал:

– Ты – только моя. Я никуда тебя не отпущу...

Вика не знала, что делать и как себя вести. Она не была уверена, что Виктор произнес именно эти слова. А даже если и эти – все это могло быть реакцией на полученные в ходе драки травмы...

Подоспевший и. о. директора принялся костерить Виктора, попутно желая узнать, кто принимал участие в драке.

– Ему нужна помощь! – перебила Вика. – *Медицинская*. Что, если у него повреждения мозга или внутренних органов? Если с ним что-то случится, то отвечать вам!

Этот аргумент убедил Михаила Вячеславовича отложить головомойку. Приехавшая «Скорая» забрала Виктора, а к Вике и. о. директора, весьма перед ней (вернее, ее могущественным отцом!) лебезивший, приставать с вопросами не стал.

– Вичка, – спросил Игорь, подоспевший после завершения всей бучи, – Дуремар к тебе приставал?

Вика подтвердила это, и с каждым сказанным словом лицо Игоря мрачнело.

– Та-ак, – протянул он наконец, – эта жертва закупоренных сальных желез очень сильно пожалеет о том, что посмела сделать. А этот *иизоид*?

Вика не поняла, о ком речь, пока Игорь не пояснил:

– Ну, этот новенький... Дебил, который все время молчит и ужасно боится, когда до него кто-то дотрагивается. Он тоже к тебе приставал?

Вика гневно заявила:

– Нет, Виктор, наоборот, мне помогал. Он защищал меня от Дуремара, как настоящий рыцарь...

Игорь, которому ее слова отчего-то не понравились, процедил:

– Ну-ну, рыцарь шизоидного образа... Ладно, он молодец, что пришел тебе на помощь, но от тебя пусть держится подальше!

– Он пришел мне на помощь! – отчеканила Вика, а Игорь примирительно сказал:

– Вичка, я бы тоже пришел тебе на помощь, но меня просто поблизости не было, а этот шизоид...

– Вот именно, не было! А он – *был!* – провозгласила девушка. – И перестань называть его шизоидом! Он не такой!

Виктора положили в неврологическое отделение с подозрением на сотрясение мозга – на госпитализации настоял Михаил Вячеславович, ужасно опасавшийся, что данный инцидент помешает его назначению на пост директора школы.

От мамы, работавшей в той же больнице, Вика узнала, что серьезной опасности для здоровья Виктора нет. И мама лукаво ей сообщила:

– Молодой человек явно без ума от тебя, дочка. Он засыпает меня комплиментами, которые сводятся к тому, что ты самая красивая и умная!

Вика почувствовала, что слова мамы ей неприятны. Точнее, выходит, не слова мамы, а слова Виктора Титова?..

Человека, который защитил ее от хулиганов.

– И он абсолютно прав! – заявил отец, который был свидетелем этого разговора. – Думаю, это очень благородный молодой человек. Он ведь ценой собственного здоровья пришел тебе на помощь. Ты не считаешь, что следует навестить его?

Вика понимала, что навестить Виктора нужно, однако что-то внутри ее противилось этому визиту.

– Игорь будет против, – выпалила она, а отец, который на дух не выносил Игоря, сухо произнес:

– А ты делаешь лишь то, что угодно этому районному Алену Делону? Думаю, дочка, что у тебя есть собственная голова на плечах!

Понимая, что отец прав, Вика навестила Виктора Титова, которому отвели отдельную палату (постаралась ее мама, замолвившая словечко перед заведующей отделением). Игорю о своем визите в больницу к Виктору девушка приняла решение не говорить.

Когда Вика вошла в палату, то увидела перекошенное лицо Виктора, он быстро что-то спрятал под одеяло.

– Извини, я зайду попозже... – начала она, радуясь, что визит закончился, не успев, собственно, толком начаться, но Виктор, задыхаясь, произнес:

– Вика, проходи... Я так тебя ждал!

Оставив дверь приоткрытой, Вика прошла в палату и опустилась на стоявший около постели стул.

– Ну, как дела? – спросила она, однако Титов, казалось, вовсе не слышал ее вопроса. Он протянул к ней руку и пробормотал:

– Ты пришла, ты пришла....

Вика взяла его за руку и внезапно ощутила, что пальцы Виктора сомкнулись на ее ладони, словно ее сжали клешней. Она попыталась высвободить ладонь, но ничего не вышло. Пришлось вести с ним разговор в этом неестественном положении. Точнее, она с возрастающей тревогой внимала бормотанию Виктора, смысл которого сводился к тому, что «ты пришла».

– А тебя родители навещали? – вставила наконец Вика, на что Виктор заметил:

– Родители? Они мне не нужны, если есть ты...

Он стал заговариваться, а потом и вовсе замолчал. Вика, посмотрев ему в лицо, поняла, что Виктор заснул. Она снова попыталась высвободить руку из его захвата, и на этот раз ей это

удалось, хотя с большим трудом. Потирая посиневшую ладонь, на которой остались отпечатки чужих пальцев, Вика заметила что-то цветное, торчавшее из-под одеяла.

Любопытство взяло верх, да и ей показалось, что узор ей смутно знаком. Чуть откинув одеяло, Вика уставилась на предмет, который меньше всего ожидала найти в больничной постели Виктора Титова.

Это был пропавший месяц назад кожаный, с вышивкой из цветного бисера пенал – тот самый, который подарил ей дядя Вася. И который, как она была уверена, кто-то украл у нее в самый первый день в новой школе.

Вика шокированно взглянула на лежавшего перед ней Виктора – выходит, что *он и украл!*

Не зная, что делать, Вика быстро прикрыла пенал одеялом и вышла из палаты. Выбежав на улицу и чувствуя, что сердце ее быстро-быстро колотится, она замерла на липовой аллее и вдруг расплакалась.

Пенал был ей дорог как память о дяде Васе, и она многое бы отдала, чтобы обрести его вновь, но, обнаружив пенал у Виктора, не могла взять эту вещь обратно.

Потому что он *осквернил* ее, что ли...

О своей находке Вика никому ничего не сказала, однако, когда мама на следующий день предложила ей снова навестить Виктора, категорически отказалась. Тем более что Титова через пару дней выписали из больницы.

Настали майские праздники, и Вика отчего-то с трепетом ждала возвращения в школу Виктора.

Она столкнулась с ним, выходя утром из собственного дома – и меньше всего ожидая его там увидеть.

– Разреши проводить тебя до школы? – произнес Виктор. – Ведь Дуремар со своей командой наверняка желает отомстить тебе...

О Дуремаре Вика думала меньше всего: она знала, что Игорь со своими приятелями вправил хулиганам мозги и Дуремар клятвенно обещал больше не приставать к Вике.

Да и Вика была уверена в том, что в случае необходимости справится с Дуремаром и его «шестерками»: те, именно что по причине своей демонстративной гоповатой крутизны, были трусами.

Они молча шли от набережной через старый парк, раскинувшийся на берегу величаво катившей свои темные воды реки.

– Кажется, это твое, – проговорил Виктор и, вынув из-за пазухи пенал дяди Васи, протянул его Вике. Пенал был перевязан розовой ленточкой. – Я бы мог соврать, сказав, что нашел его во дворе... Или отобрал у третьеклассников... Ну, или у пассии одного из дуремаровцев... Но с тобой я всегда буду честен, Вика.

Его голос был едва слышен и дрожал от волнения. Вике стало жаль Виктора.

– Я забрал его тогда... В тот самый день, когда мы с тобой познакомились на пороге школы. Судьба свела нас вместе и швырнула мне под ноги твой пенал...

Вика, услышав всхлипы, взглянула на Виктора и увидела, что по его бледному лицу катятся необычайно крупные слезы.

– И я просто взял его и сделал вид, что не знаю, где он... Помнишь этого жалкого чиновника из «Гранатового браслета», который издали обожал надменную княгиню и прислал ей в подарок гранатовый браслет?

Он смолк, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, а Вика, улыбнувшись, произнесла:

– Надеюсь, надменная княгиня – *это не я?* У нас все в роду пролетарии. Кстати, а ленточку ты не с букетов у памятника Ленину стащил?

Не зная, как ей реагировать, Вика последовала примеру своего отца: когда не знаешь, что сказать, – иронизируй. Но не издевательски, по-доброму. Она была отчасти напугана проявлением Виктором Титовым к ней чувств.

Если, конечно, Виктор тоже считает ее слова добрыми...

– Нет, нет, что ты! Я не украл, клянусь всем святым! – заверил тотчас Виктор. – Купил в универмаге. Могу даже чек показать...

Распустив ленточку, Вика спрятала ее в карман сумки и провела подушечками пальцев по пеналу. Что же, у нее имеется *поклонник* – поклонник смешной, нелепый, однако самый что ни на есть настоящий.

Как и любовница у отца.

Вика поморщилась, потому что не знала, отчего в памяти всплыла эта неприятная история. Тем более к Виктору она не имела *ни малейшего* отношения.

– Ценю то, что ты сказал мне правду, – сказала Вика, любясь цветущими деревьями в парке. Еще триста метров, и они окажутся у ворот школы. – И рада, что ты вернул мне эту ценную вещь.

Она посмотрела на Виктора и увидела, что тот, обычно всегда мертвенно-бледный, залился румянцем.

– Ты не сердишься? – произнес он сдавленно.

И Вика рассмеялась:

– Ничуть! Ты же вернул вещь, которая так для меня дорога. Большое тебе за это спасибо, Витя!

Внезапно она ощутила, как Виктор взял ее за руку – точнее, ловким жестом пропустил свои пальцы через ее и плотно сжал их.

Остановившись, Вика замерла, а потом плавным, но энергичным жестом высвободила свою руку.

– Витя, извини, но, кажется, имеет место недоразумение...

Лицо стоявшего перед ней паренька из красного вдруг в мгновение ока превратилось в белое.

– Ты не хочешь? Не хочешь, чтобы мы были... *друзьями*? – произнес он еле слышно.

– Но мы ведь уже друзья! – ответила Вика. – Я тебе очень благодарна, причем не только за то, что ты сказал мне правду и вернул пенал, но и за то, что защитил тогда от Дуремара. Однако...

Она смолкла, не зная, как завершить начатую мысль. Виктор же, не издавая ни звука, отчего все выглядело еще ужаснее, вырвал торчавшую из кармана ее сумки розовую ленточку, бросил на землю и стал молча топтать.

Вика оторопело на него уставилась. Казалось, Виктор впал в транс, вытянув руки по швам, зажав до боли кулаки. Вика прикоснулась к его плечу, желая, чтобы он остановился, но Виктор прошипел:

– Не трогай меня, не трогай меня, не трогай меня...

Напуганная неприятной сценой, Вика сорвалась с места и почти бегом бросилась к спасительному забору школы. Влетев во двор, она чуть не врезалась в Игоря, который обеспокоенно спросил:

– Что-то случилось, Вичка? К тебе опять кто-то пристаёт?

Вика, инстинктивно обернувшись и удостоверившись, что никто ее не преследует, задумалась. Если она расскажет Игорю, который считает ее своей девушкой, о *более чем странном* поведении Виктора Титова, то последнему несдобровать. Игорь и так на дух его не переносит, называя шизоидом, а тут еще столь зловещая история.

– Нет, нет, все в порядке! – заявила Вика, стараясь успокоиться. – Просто... Просто я очень рада тебя видеть! Очень-очень!

Игорь расплылся в своей белозубой улыбке и произнес:

– Вичка, девочка моя, у нас в кармане весь мир! Как же мне повезло, что ты у меня есть!

– Извини великодушно, с тобой можно поговорить?

Вика, выходя из подъезда дома, вздрогнула, заметив Виктора Титова. Стояла последняя неделя учебного года, солнце раскошегарилось, в город пришло лето. С момента их последнего, жуткого, разговора с Виктором прошло ровно две недели, Вика, поглощенная предстоявшими контрольными и экзаменами, и думать забыла об этом инциденте.

Быть может, потому, что просто *не хотела* о нем размышлять?

Вика ускорила шаг, отрывисто ответив:

– Извини, но у меня сейчас нет времени.

– Прости меня, Вика! – услышала она жалобный стон, более похожий на вой, и, обернувшись, увидела, как Виктор бухнулся на колени посреди оживленной улицы.

Не веря своим глазам, Вика подскочила к пареньку и, схватив его за острое плечо, попыталась поднять вверх.

– Ты с ума, что ли, сошел! Немедленно поднимайся!

Титов, лицо которого было залито слезами, простонал:

– Встану, если только скажешь, что прощаешь мое ужасное, невыносимое, кошмарное, ничем не оправданное, патологическое поведение!

Сцена была сюрреалистичная, прохожие с большим интересом оборачивались, наблюдая за происходящим, Вика видела, как в проехавшем мимо троллейбусе люди прильнули к окнам, таращась на улицу.

Хуже всего, что с минуты на минуту должна была прибыть служебная машина за отцом. А если он сам, выйдя из подъезда, станет свидетелем этой нелепой сцены?..

– Прощаю! – сказала Вика, и Виктор, чье лицо моментально просветлело, переспросил:

– Точно-точно прощаешь?

– Точнее не бывает! – заявила Вика, хватая его под локоть и рывком помогая встать на ноги. И *вовремя*, потому что из-за угла плавно вывернула черная «Волга» с отцовским водителем, а это значило, что отец появится через минуту-другую.

Увлекая за собой Титова, Вика заспешила по улице – на этот раз она решила не идти через старый парк, шагая вдоль оживленной магистрали.

– Вика... Дело в том, что... что иногда на меня накатывает... – оправдывался Виктор, шагая за ней. – Я сам не могу это контролировать.

Вика внимательно посмотрела на него. Выходит, правы те, кто придумал для Титова обидную кличку *инзоид*? Его поведение было, мягко говоря, неадекватное.

– А что говорят врачи? – спросила она, тотчас пожалев о вопросе: даже если человек и болен, то она не имеет права оскорблять его или поднимать его на смех.

– Ничего не говорят, – вздохнул Виктор. – Я ни у кого не наблюдаюсь.

Вика, замерев и проводив взглядом отчалившую к университету отцовскую «Волгу», сказала:

– Моя мама – врач. Она поможет. У нее хорошие связи. Необязательно даже здесь, можно и в соседней области...

Виктор вздохнул:

– Ну, раз ты так говоришь... Конечно, ты права. Извини, если что не так. Это не я, это болезнь... У нас это семейное.

Вика снова взглянула на Виктора. Остальные одноклассники наверняка заклевали бы его или подвергли остракизму, а ей было жаль несчастного парня.

– Сейчас все лечится, – уверенно сказала она, подходя к перекрестку. – Ну, или *почти* все...

– А вдруг у меня вот это самое «или почти все»? – приуныл Титов. – Вдруг меня в психушку запрут, в отделение с буйными?

– Я буду тебя регулярно навещать! – улыбнулась Вика и тотчас спохватилась: – Ой, извини! Не обижайся, прошу!

Но Виктор и не думал обижаться, ибо, расплывшись в улыбке, заявил:

– Ты – первый человек в моей жизни, который... который говорит со мной по-человечески! Для всех я или шизоид, или псих, или сатанинское отродье. Даже для собственных родителей!

Вике захотелось обнять Титова, пожалеть, но вместо этого она спросила:

– Так хочешь, чтобы я поговорила с мамой? Она будет связана медицинской тайной, никто не узнает...

Виктор кивнул:

– Ну да. Поговори. Только, прошу, после завершения учебного года. А то я по многим предметам хромаю. Мне надо исправить положение, а тут еще экзамены на носу... Если завалю, то отец из меня фарш сделает. Он хоть и инвалид без ноги, но сущий зверь.

Он так жалостливо вздохнул, что Вика спонтанно предложила:

– Тебе помочь с учебой? Ну, в смысле натаскать тебя?

Виктор, розовея, уставился на нее:

– И ты сможешь стать моим персональным репетитором? Ведь тебе самой экзамены сдавать...

Они подходили к школе. Вика улыбнулась.

– Ну, я же не дура, да и экзамены еще, слава богу, не выпускные. К тому же, не забывай, меня ведут на золотую медаль, и я – *дочь проректора!*

Она рассмеялась, и вместе с ней рассмеялся Виктор – девушка машинально отметила, что смех у него специфический, похожий на спазмы. Что же, человеком Виктор Титов был *особым*, однако не отвергать же его по этой причине?

– А Игорь не будет против? – спросил осторожно Виктор, и Вика, понимая, что Игорь будет *очень даже против*, заявила:

– Ну а он ничего не узнает. Я натаскаю тебя. Ты сдашь экзамены. Потом подключим мою маму, и летом ты ляжешь в больницу. К осени будешь как огурчик.

– Значит, это будет наша с тобой тайна? – переспросил Виктор, и Вика, заметив вдалеке фигуру Игоря, кивнула.

– Вот ведь круто! – заявил Виктор. – Значит, я приду к тебе сегодня вечером, часиков в шесть? А теперь мне надо дать задний ход...

И он исчез. Игорь, впрочем, его все же заметил и поинтересовался, что *шизоиду* нужно от *его Вички*, на что *его Вичка* ответила:

– Ответы на экзаменационные билеты по химии, но я его отшила!

– И правильно сделала! – поддержал ее Игорь. – Нашел у кого спрашивать! Кстати, после учебы айда на пляж?

Вспомнив о том, что ей предстоит роль репетитора, Вика ответила, стараясь, чтобы ложь звучала как можно более непринужденно:

– Не могу. Надо самой к химии готовиться. Извини, Игорюнчик. Советую и тебе более ответственно относиться к предстоящим экзаменам.

Виктор оказался прилежным и крайне старательным учеником и к тому же схватывал все на лету. Вика не могла надивиться на то, с какой скоростью он усваивает материал, и исходила из того, что во многом это было связано с ее методикой преподавания.

Родители, сначала скептически относившиеся к тому, чтобы их дочь накануне экзаменов превратилась в репетитора для нерадивого одноклассника (хотя, по сути, Виктор не был *нера-*

дивым, как не был и *одноклассником*), быстро его приняли и в один голос твердили о том, что именно такой друг и требуется их дочери – вежливый, спокойный, целеустремленный.

Они занимались около двух недель, Вика была крайне довольна результатами. Наконец настало время экзаменов, которые она сама сдала с легкостью. А вот Виктор... Вообще-то Вика не сомневалась, что после интенсивных занятий с ней он тоже без проблем перейдет в выпускной класс, поэтому была шокирована новостью о том, что Виктор завалил экзамены.

– Извини, – сказал он, виновато глядя в пол. – Такой уж я тупой... Думаю, и пересдачу я тоже завалю.

– Ничего ты не тупой! – горячо возразила Вика и, чувствуя, что задета ее профессиональная гордость, сказала: – И ты обязательно все сдашь, я тебе обещаю! Все лето будем с тобой заниматься!

– Ты будешь со мной заниматься? – произнес тихо Виктор, и Вика кивком головы подтвердила свои слова.

– Конечно, будем. Ты сдашь экзамены, потом мы поговорим с моей мамой, ты отправишься на лечение. И все будет хорошо!

Сложнее было с Игорем, который никак не мог понять, почему *его Вичка* проводит с ним столь мало времени. Вика ссылалась на домашние дела, на то, что ей по вечерам нужно заниматься, и наконец поведала Игорю все правду.

Тот, хмыкнув, недоверчиво уставился на нее.

– Ты что, с этим шизоидом возишься? Ну, завалил он экзамены, туда ему и дорога. Его вообще надо в дурку сдать, и дело с концом...

Вспылив, Вика наговорила Игорю множество вещей, о которых потом сожалела, однако это была их первая ссора. И как он не мог понять, что она просто обязана помочь Виктору!

Виктор же прикладывал все усилия для того, чтобы подготовиться к пересдаче в августе, регулярно занимаясь и радуя Вику успехами. Она была уверена, что на этот раз Виктор точно справится.

Как-то душным вечером Вика напрасно долго ждала его – Виктор так и не появился. Обеспокоенная этим, Вика на следующий день решила навестить его: телефона у Виктора дома не было, однако она знала адрес – проживал он на другом конце города, в районе старого рынка.

Сначала на троллейбусе, потом на трамвае и, наконец, пешком она добралась до квартала старых двухэтажных домов, которые разительно отличались от сталинской застройки в центре города. Отыскав нужную улицу и нужный дом, Вика зашла в грязный подъезд.

Поднялась на второй этаж и оказалась перед красной деревянной дверью и вдруг поняла, что находится перед коммунальной квартирой. Она отыскала звонок с надписью «Титовы» и нажала его – по коридору разнеслась одинокая трель, однако ничего за этим не последовало.

Вика нажала звонок еще раз, на этот раз дверь открыли, на пороге возникла девочка лет семи.

– Ты к кому? – спросила она без обиняков.

– К Виктору, – ответила Вика. – Титову. Он ведь здесь проживает?

Девочка, пропуская ее в длинный коридор, заявила:

– Там же написано, что Титовым три раза звонить надо! Только Витьки сейчас нет. Он с отцом уехал...

Девочку позвали из ближайшей комнаты, и Вика осталась в коридоре одна. Воспользовавшись представившейся возможностью, она отправилась на поиски комнаты, в которой проживала семья Виктора – точнее, его отец и он сам, ведь его мама, как помнила Вика из рассказов приятеля, трагически погибла, когда Витя был еще маленьким. А отец – об этом Виктор говорил крайне неохотно – был алкоголиком по причине своего увечья на работе много лет назад. Кажется, у него не было правой ноги.

Вика подошла к двери с искомой табличкой, дверь вдруг распахнулась, на пороге появилась молодая женщина в легком полосатом сарафане. Женщина была очень похожа на Виктора. Наверное, старшая сестра или тетка.

– Добрый день, – произнесла Вика, – я одноклассница Виктора. Его, если я правильно понимаю, нет дома?

Женщина, смерив ее взглядом, ответила:

– Нет, но скоро будет. Ему с отцом надо было срочно в соседнюю область съездить. Они должны часа через два-три вернуться. Хотите чаю?

Женщина пропустила ее в комнату, обставленную скромно, но уютно. Усевшись за круглый, накрытый скатертью стол, Вика осмотрелась. Интересно, но о старшей сестре или тетке Виктор никогда ничего не говорил...

– Извините, а что-то случилось? – произнесла Вика, обращаясь к женщине. – Виктор ведь со мной занимается, я помогаю ему подготовиться к передаче...

– Какой такой передаче? – произнесла удивленно женщина, ставя на стол плетеную корзиночку с овсяными печеньями.

Вика закусила губу: кажется, Виктор не сообщил родственникам о том, что завалил экзамены. И вспомнила, как он упоминал суровый нрав своего отца, который, чуть что, брался за ремень. Неудивительно, что он решил ничего не говорить родным. А она, дура, проболталась!

– Ой, извините, мне надо идти, – пробормотала Вика, но женщина, ставя перед ней фарфоровую чашку, сказала:

– Нет уж, мне очень интересно, что там произошло и куда по вечерам исчезает мой сын...

Вика уставилась на женщину, а потом осторожно спросила:

– Вы ведь... Вы новая жена Витиноного отца?

Женщина, усмехнувшись, отбросила со лба темные волосы и, взглянув на нее точно такими же, как и у Виктора, арктически-ледяными глазами, заметила:

– Насколько мне известно, у Витиноного отца вот уже почти двадцать лет только одна жена – я!

Ничего не понимая, Вика уставилась на женщину, пытаясь переварить сказанное. Женщина же вышла из комнаты и через минуту вернулась с чайником, от которого ароматно пахло.

– А что, Витя снова рассказывал историю, что я умерла? – с легкой насмешкой спросила она. – И что отец у него инвалид, который пьет и бьет его?

Молча кивнув, Вика отхлебнула чая и взяла овсяное печенье.

– Что же, врачи нас предупреждали... – вздохнула женщина. – Как видите, я жива и здорова. Хотя Витя часто рассказывает посторонним людям, что я скончалась, когда он был крошкой. И что отец у него злой домашний тиран без правой, ну, или иногда без левой ноги, которую он потерял во время несчастного случая на производстве. Он к тому же бьет его смертельным боем и попал под влияние зеленого змия. Это, уверяю вас, не так!

Сама не заметив то, как сжевала овсяное печенье, Вика автоматически схватила еще одно.

Женщина взяла с комода фотографию, на которой были изображены три человека: она сама, статный уса́тый темноволосый мужчина и Виктор, возможно, чуть младше, чем в данный момент.

– Это мы снялись незадолго до переезда сюда. Как видите, я все еще живу, а не скончалась много лет назад. А у отца Вити обе ноги. И, уверяю вас, он не алкоголик – более того, он вообще не пьет, даже по праздникам. И сына своего даже пальцем не трогает!

Взяв еще одно печенье, Вика подавленно спросила:

– Но отчего он тогда... говорит *такое*?

Женщина вздохнула, снова отбросила со лба волосы и сказала:

– Потому что Витя болен, увы, серьезно. Это и стало причиной нашего переезда сюда. Потому что на старом месте произошло *слишком много*... Слишком много зловещих и неприятных историй, эпицентром которых был, увы, наш сын. Мне, как матери, тяжело говорить об этом, однако это так. И лучшее, что мы могли сделать, это... Просто переехать в другое место! Пусть некоторые считают, что мы бежали оттуда, но все это на благо нашего сына!

Вика не знала, что и сказать. Выходит, что Виктор все это время ей врал! Она допила чай, отказалась от добавки и чувствовала себя очень неловко.

– И меня удивляет, что Витя не сдал экзамены и ничего нам не сказал. Более того, он сообщил нам, что без проблем сдал их. У него ведь имеется своя комната, здесь, в конце коридора. Нам с отцом запрещено туда входить, но раз такое дело...

Женщина поднялась и поманила за собой Вику. Они вышли в коридор, прошли несколько метров и оказались около массивной темной двери. Вынув из кармана ключ, мать Вити отперла дверь.

Вика шагнула в комнату, заваленную книгами и тетрадями – точнее, книги и тетради были выстроены ровными колоннами, что создавало крайне неприятное, зловещее впечатление.

– Понимаете, Витя болен. Наверное, с самого рождения, но с началом переходного возраста это усилилось. Врачи ставят ему разные диагнозы, один хуже другого. У него, без сомнения, множество талантов – он очень умный мальчик, однако... Однако он умелый манипулятор! Ему доставляет большое удовольствие создавать ситуации, чтобы окружающие плясали под его дудку...

Вика раскрыла одну из тетрадей и увидела, что в ней прорешены задачи по алгебре. Судя по всему, с алгеброй у Вити в самом деле проблем не было, а он всегда заявлял, что ничего по этому предмету не понимает!

– Мне сложно говорить такое о собственном сыне, но от него надо держаться подальше. Он доставил нам много проблем, будучи ребенком, но в последние годы все только усилилось...

Вика раскрыла еще одну тетрадь – и в глаза ей бросились ровные строчки, на которых красными чернилами было выведено одно-единственное слово. Ее имя. *Вика*.

Девушка пролистала тетрадь до конца – все листы были заполнены только ее именем. И таких тетрадей, судя по всему, было *несколько десятков*.

– Но, с другой стороны, я крайне рада, что Витя нашел себе подругу. Вы производите положительное впечатление, а нашему сыну нужно общение со сверстниками...

Захлопнув тетрадь, Вика повернулась и сказала:

– Извините за откровенность, но такое общение не нужно *мне*. Вы правы, ваш сын – умелый манипулятор. Я повелась на его трюки и теперь понимаю, что сделала серьезную ошибку. Мне пора!

Вика шагнула в коридор, но тут ее внимание привлек висевший на стенке платяного шкафа и ранее не замеченный плакат. На плакате было изображено *ее собственное лицо*. Подскочив к плакату, Вика поняла, что это фотография, сделанная без ее спроса и увеличенная до огромного размера.

Подчиняясь внезапному чувству, Вика распахнула шкаф – и обнаружила еще одну собственную фотографию, только на этот раз ее лицо было приделано к плакату с изображением неизвестной девицы в бикини и в соблазнительной позе.

– Ваш сын в самом деле болен! – заявила Вика и, хлопнув дверью шкафа, выскочила в коридор.

Мама Виктора устремила за ней, пытаясь увещевать:

– Да, это так, но ведь он наш сын! Мы же не можем поместить его в закрытое отделение психиатрической клиники, да и у врачей нет единого мнения по поводу диагноза...

– Его надо лечить! – заявила, поворачиваясь к ней, Вика. – Вы видели, что он сделал с моими фотографиями? Какими пакостями он занимается в этом шкафу, когда на него накачивается?

Вика подумала, что тотчас избавится от пенала дяди Васи, побывавшего в руках – и, вероятно, *не только руках* – Виктора. Теперь она была уверена, что Виктор производил с ним мерзкие манипуляции. Она ведь застукала его за постыдными делишками в больнице, однако упорно не хотела видеть правды.

– Отец с ним и поехал на консультацию в наш старый город, к одному психиатру на пенсии, который наблюдает Витю с самого детства, – со вздохом проговорила мама Виктора. – Мы знаем, что надо что-то делать, но как бы на нашем месте поступили вы?

Этого Вика не знала, но и думать об этом не желала. Скупно попрощавшись, она покинула коммунальную квартиру, хотя мама Виктора явно хотела излить ей душу и настойчиво предлагала продолжить чаепитие.

Нет, никакого чаепития, никаких овсяных печений в этом доме! Родители, судя по всему, у Титова хорошие и, главное, здоровые, что не отменяло того факта, что он сам...

Был *психом! Шизоидом*, как говорил Игорь. *Сумасшедшим пареньком*.

Коря себя за то, что употребляет, хотя бы мысленно, подобные нехорошие слова, Вика вывернула за угол – и увидела кофейного цвета «Жигули», припаркованные около соседнего дома, из машины с крайне недовольным видом выбирался Виктор. На водительском сиденье находился тот самый уса́тый статный мужчина, которого Вика видела до этого на фотографии, – Титов-старший, не производивший впечатления запойного алкаша и, несомненно, имевший *две* ноги.

Виктор замер, уставившись на девушку: он явно не ожидал увидеть ее здесь. Его глаза сверкнули, на лице застыло выражение ужаса. Затем он бросился к Вике, но она бегом понеслась прочь к трамвайной остановке.

Как назло, трамвая не было, поэтому Виктор быстро настиг ее на остановке. Вика, не желая с ним общаться, зашагала вдоль путей в нужном ей направлении.

– Вика, подожди! Что наговорила тебе эта стерва?

Обернувшись, Вика отчеканила:

– Ты имеешь в виду твою милую и добрую маму? Кстати, я ведь исходила из того, что она давно умерла. Собственно, *почему?* Потому что ты мне об этом твердил!

Затем, поведя плечом и не дожидаясь ответа, она снова отправилась в путь. Но Виктор от нее не отставал.

– Ну, она умерла для меня в переносном смысле. Она ужасная, злая женщина... Она испортила мне всю жизнь... Она...

Виктор начал плакать, однако Вика, раньше отреагировавшая бы на это с пониманием и жалостью, процедила:

– Не паясничай! И чем же портила тебе жизнь эта ужасная, злая женщина? *Вкусным чаем с овсяными печеньями?*

Виктор, продолжая скулить, следовал по пятам за ней.

– Хорошо, допустим, твоя мама подлинная ведьма и только выглядит как ангел. Но откуда тогда у твоего отца взялась вторая нога? Выросла, пока вы на «Жигулях» ехали? И на алкоголика он ничуть не похож...

– Это не мой отец! – ошорошил ее Виктор признанием, которому Вика на мгновение даже поверила. *Но только на мгновение*. – Этот человек не мой отец, это отчим. Новый хахаль моей матери. А мой настоящий отец живет в другом городе.

– И вы ездили как раз навещать его? – вырвалось у Вики. В быстром темпе они дошагали до другой трамвайной остановки, к которой подходил трамвай – правда, не тот, который тре-

бовался Вике, но это было все равно. Она была готова ехать по любому маршруту, только бы избавиться от общества привязчивого Титова.

Она вскочила в трамвай, плюхнулась на сиденье и вдруг услышала около себя тихий голос:

– Нет, этот человек возил меня к врачам, желая сдать в сумасшедший дом. И вообще, он мне отец ненастоящий, потому что у меня там, в другом городе, есть иной, *подлинный*...

Виктор умудрился также сесть в трамвай и ехал теперь вместе с ней! Вика закричала ему в лицо:

– Не ври! Ты же умелый манипулятор, так тебя охарактеризовала собственная мать! Я не верю ни единому твоему слову! Ты намеренно завалил экзамены, чтобы я тебе помогала. Хотя, судя по всему, ты отлично соображаешь. До такой степени отлично, что тайно сделал мои фотографии и прилепил их на плакаты с голыми тетками. Ты болен, Титов, причем давно и очень серьезно! *Иди лечись!*

Виктор что-то бубнил, но Вика, зажав уши руками, не желала его слушать. Наконец в окно трамвая она увидела, как он вышел и переходит через пути, таращась в ее сторону, – наконец-то он избавил ее от своего общества. Выйдя на следующей остановке, Вика отправилась домой пешком, по пути вдоволь наплакавшись и приняв решение – никогда в жизни она больше не будет иметь ничего общего с этим *психом*.

Виктором Титовым.

И пусть в глубине души ей было его еще жаль, это не значило, что он мог ей врать и манипулировать ею.

А также развешивать в шкафах пошлые плакаты с ее лицом.

Вика позвонила Игорю и, услышав его голос, произнесла:

– Так мы поедem сегодня на пляж?

Трагедия случилась в самом начале августа – над городом, после долгих дней изнуряющей жары, громыхала чудовищная гроза, сопровождаемая устрашающими зарницами и монументальными раскатами грома. Вика, проснувшись от шума тропического ливня, долго ворочалась на кровати с боку на бок, не в состоянии снова заснуть. Потом она, обхватив себя руками, стояла около окна, за которым бушевала стихия, и в голову отчего-то лезли мысли о Викторе Титове.

Раздался пронзительный телефонный звонок, затем приглушенные голоса родителей. Вика выглянула в коридор – часы показывали без десяти три ночи.

– Ты не спишь? – спросила озабоченно мама, как ни странно, полностью одетая. – Сейчас позвонил наш главврач. Грандиозный пожар в районе старого рынка, масса пострадавших, нас всех вызывают на работу...

Отец, положив трубку телефона, заявил:

– Сейчас тебя заберет моя служебная машина. Одну я тебя в такую погоду не отпущу и поеду с тобой...

Мама махнула рукой:

– Нет уж, оставайтесь дома! Потому что будете все равно только путаться под ногами.

В ту ночь Вика долго не могла заснуть: на улице то и дело раздавались завывания сирен и громкие голоса.

Следующее утро принесло первые осенние температуры и временное похолодание, а также весть о том, что во время пожара в нескольких коммунальных квартирах в районе старого рынка несколько человек погибли и около полусотни пострадали.

Старый рынок... Вика вспомнила, что недавно была там. Ведь именно там проживал Виктор Титов. Она искренне надеялась, что с ним и его семьей все в порядке, однако не наме-

ревалась наводить справки – снова оказаться в обществе ненормального приятеля ей ой как не хотелось.

Из-за бессонной ночи Вика прилегла на диван после завтрака и подскочила из-за звонка в дверь. Часы показывали первый час дня, родителей дома не было: мама была все еще в больнице, отец отправился в университет на экстренное заседание.

Решив отчего-то, что это вернулась с работы мама, Вика, шатаясь, приблизилась к двери, отомкнула ее – и увидела стоявшего на пороге Виктора Титова. В руках он держал старенький портфель, а также свою семейную фотографию, которую Вика до этого видела в коммунальной квартире.

– Извини, что смею беспокоить тебя, – произнес он со скорбной улыбкой. – Однако мне некуда больше идти. Потому что наша квартира этой ночью сгорела. При пожаре погибли и мама, и отец. Это, уверяю тебя, не выдумки – можешь позвонить в милицию и проверить. А у меня никого, кроме тебя, на этом белом свете просто-напросто нет.

Родители с большим энтузиазмом принялись за обустройство жизни Виктора – еще бы, ведь бедный мальчик, который им так нравился своей скромностью и вежливостью, в одночасье лишился не только крова, но и отца с матерью!

А вот Вика очень настороженно отнеслась к новому гостю, вернее, как она для себя его называла, *подселенцу*. Конечно, ей было очень жаль Виктора, точнее, его родителей, в особенности маму, которую она хоть и знала очень поверхностно, но которая, *несмотря на все*, очень ей понравилась.

Дело было в ином – в том, *как* Виктор вел себя. Теперь Вика смотрела на него иными глазами, помня слова его покойной мамы о том, что он умелый манипулятор. Так и было – когда надо, он умел пустить слезу, дать трагическую нотку, поддакнуть или, наоборот, помолчать, перевести разговор на нужную тему или вернуть правильное слово. Отец был в полном восторге от Виктора и практически клятвенно обещал ему, что проблем с поступлением в университет у него после окончания школы не будет.

Мама тоже была очарована «молодым человеком», у которого – и в отношении этого Титов, кажется, не врал – не было ни единого близкого родственника. Вика несколько раз осторожно пыталась завести с мамой разговор о том, что эта страшная трагедия, не исключено, негативно повлияла на психику Виктора, на что мама отвечала, что он держится с очень большим достоинством и ведет себя как взрослый. Причем говорила она это в укор дочери, которую считала избалованной девчонкой.

Вике было крайне жаль родителей Виктора, но отчего-то не было жаль его самого. Она украдкой наблюдала за ним во время церемонии похорон его отца и матери на городском кладбище – Титов отлично играл роль безутешного сироты, но в те моменты, когда был уверен, что никто на него не смотрит, на его бледном лице проскальзывало странное хитрое выражение.

Точнее, *улыбка победителя*.

Виктору отвели одну из комнат в их большой квартире, отец заявил, что приложит все усилия, дабы молодому человеку выделили за счет города собственное жилье. Вика тяготилась присутствием Титова, однако знала, что никто не поймет, если она открыто выступит против гостя: еще бы, он был подростком, на которого обрушились небывалые несчастья, а она – бессердечной дочуркой богатых и влиятельных родителей.

Поэтому Вика приняла для себя решение – она будет просто игнорировать Виктора. Он множество раз подкатывал к ней, прося возобновить с ним репетиторство, на что Вика каждый раз неизменно отвечала:

– Ты же и так все отлично знаешь. Или тебе *напомнить*?

Кроме того, она стала демонстративно приглашать к ним в квартиру Игоря, что не очень-то нравилось отцу и маме, а Виктора буквально бесило. В особенности если Игорь позволял себе поцеловать Вика или прижать ее к себе в те моменты, когда родителей не было рядом.

Однажды Игорь дал рукам волю и попытался заняться с Викой на диване в гостиной легкими эротическими играми. Внезапно за его спиной появилась бледная физиономия Титова, который запричитал:

– Отойди от нее! Оставь ее в покое!

Игорь, развернувшись, как следует потрянул Виктора и заявил:

– Шпион-извращенец, ты что тут делаешь? Мало того, что тебя добрые люди подобрали, как бездомного щенка, к себе взяли, так ты еще...

В этот момент Титов, издав громкий крик, согнулся, как будто его кто-то ударил, хотя его никто и пальцем не тронул, и заверещал на всю квартиру:

– Не бей меня, Игорь! Прошу тебя, не бей меня в живот!

На его крики прибежали родители Вики и, заметив корчащегося на ковре миниатюрного худощавого паренька и возвышавшегося над ним растерянного спортсмена Игоря, приказали последнему тотчас убраться восвояси.

– И не смей больше приходить к нам! – выталкивая молодого человека из квартиры, заявил разъяренный отец.

Вика попыталась разяснить, что никто Титова пальцем не тронул и что Игорь ни в чем не виноват, однако отец и слышать об этом не желал. А Виктор, отлично играя на отцовском гневе, поддакивал и вставлял фразочки, подводя отца к мысли о том, что Игорь крайне опасен и желает только одного: *как можно быстрее лишить невинности его дочь*.

Расплакавшись, Вика заперлась у себя в комнате, натянув на голову наушники и слушая что-то попсовое. Только через какое-то время, случайно обернувшись, она в ужасе заметила, что около ее стола, склонив голову набок, стоит и беспардонно рассматривает ее Виктор.

– Ты как сюда попал? – произнесла в ужасе Вика, срывая наушники: она ведь точно помнила, что заперла дверь, и ключ все еще торчал в замке.

– Как водится, через дверь, – усмехнулся Виктор. – Что, этот музон нравится?

Подскочив, Вика бросилась к двери, осмотрела ее, не понимая, как Титов смог проникнуть в ее комнату.

– Ты как сюда попал? – снова спросила она. – Говори, иначе позову родителей и... И скажу, что ты ко мне приставал!

На лице Виктора возникла хитрая, уже виденная ею на похоронах его родителей ухмылка, и он ответил:

– Не советую. Тогда мне придется поведать твоим предкам о том, чему я стал свидетелем. А именно твоему бурному сексу с Игорюнчиком! И как вы стращали меня и предлагали деньги, чтобы я никому об этом не поведал. Но моя совесть не позволит утаить это от твоих добрейших родителей, предоставивших мне кров...

Уставившись на наглеца, Вика заявила:

– Они тебе не поверят!

Виктор осклабился:

– А я вот думаю, что поверят. В особенности если я во всех ужасных подробностях поведаю им, как ты занималась с Игорюнчиком сексом. *Оральным* сексом...

Вика опустила на стул, а Титов, подойдя к ней, произнес:

– Я ведь многого не прошу... Давай все будет как прежде. Мы будем проводить вместе время. Если тебе это так надо, ты будешь встречаться с этим дебилом Игорьком. Я смогу даже вас прикрывать, чтобы вы могли с ним трахаться...

Он торопливо облизнул свои узкие губы.

– Что ты несешь? – заявила Вика. – Не будет ничего как раньше! Ты съедешь от нас как можно быстрее, это понятно? И оставишь меня наконец в покое!

Виктор вперил в нее взгляд своих арктически-ледяных глаз.

– Вика, ты ведь не дура и понимаешь, что будет, если твой отец узнает, что ты... Что ты *со вкусом сосала* Игорьку. А мне он поверит, потому что сам недолюбливает этого наглого бугая. Точнее, даже не мне, а тому, чего и так опасается и чему хочет верить сам по себе. Думаю, ни тебе, ни ему не поздоровится...

Он снова облизнул узкие губы, и Вике сделалось тошно. Так и есть, умелый манипулятор. Более того, психопат, обожающий определять жизнь других.

Ее жизнь.

– Что ты хочешь? – спросила Вика дрогнувшим голосом. – Я должна... должна заняться с тобой сексом?

Лицо Виктор окаменело, он проскрипел:

– Как ты можешь *такое* думать! Я ведь не какой-то извращенец наподобие твоего Игорька! Ты – моя муза, моя богиня, мой идеал! А я просто хочу быть с тобой, знать, что у тебя все в порядке, защищать тебя, не позволять никому, в особенности таким похотливым скотам, как Игорек, причинить тебе вред...

Чем дольше Вика слушала Титова, тем сильнее убеждалась в том, что он болен. Причем *очень серьезно болен.*

– Но почему *я*? – прошептала она. – Почему *именно я*? Заведи себе другую богиню...

Виктор усмехнулся, и в его глазах вспыхнул адский огонь.

– Потому что я так решил, Вичка. Можно я, как и этот скот Игорек, буду называть тебя так? Потому что я люблю тебя, но не плотски, как этот урод, а исключительно платонически. Я готов ради тебя на все. *Буквально на все...*

Вика тяжело вздохнула. Посмотрев на Виктора, она произнесла:

– Если ради меня ты готов на все, то... Оставь меня наконец в покое! Позволь мне жить своей жизнью! Любить того, кого я хочу любить. Да, заниматься с ним сексом, черт побери! Но без оглядки на тебя, *чужого человека!*

Виктор, краснея, заявил:

– Ты ничего не понимаешь, дурочка! Потому что я твой рыцарь и защитник! Никто, кроме меня, не сможет оградить тебя от этого ужасного мира, в котором происходит так много страшных и кровавых вещей...

Он снова облизнул губы, и в голову Вике пришла кошмарная мысль – настолько кошмарная, что, не сдержавшись, она произнесла ее вслух:

– Это ведь ты устроил пожар, чтобы... Чтобы иметь возможность *переселиться к нам*?

Виктор усмехнулся, ничего не отвечая, но это было красноречивее любого признания. Вика поняла: да, это *он устроил пожар!* Пожар, на котором, помимо его родителей, погибло еще пять или шесть человек, а несколько десятков человек пострадало, причем в некоторых случаях весьма и весьма серьезно, превратившись в инвалидов до конца жизни.

– Это ты! – выдохнула Вика. – Господи, но ты... *Убийца!* Ты убил собственных родителей! И других людей!

– И все, Вичка, чтобы быть рядом с тобой и чтобы мне никто не мешал! – выдохнул еле слышно Виктор. – Понимаешь, на *что* я способен ради тебя?

В дверь постучали, на пороге комнаты возникла мама.

– Дочка, я хотела бы обсудить с тобой поведение этого твоего знакомого, – произнесла мама.

Вика почувствовала на себе внимательный взгляд Виктора. Господи, он не просто псих, а псих-убийца! Причем под одной с ней крышей!

– Не буду вам мешать. – Виктор снова превратился в самую любезность и вышел в коридор. Но там, замерев позади мамы так, что она, стоявшая к парню спиной, не могла его видеть, хитро усмехнулся, а потом провел ладонью по горлу, высунув при этом язык – *и указывая на маму!*

Вика, которая хотела выложить все, что ей было известно (хотя *что* ей было известно? Для всех Виктор был несчастным сироткой), вдруг испугалась и произнесла:

– Да, да, мамочка, ты права. Этот Игорь мне не пара. Я сама решила, что не хочу поддерживать с ним отношения. Мне очень жаль, что мое с ним знакомство доставило вам столько хлопот.

Подойдя к ней, мама прижала ее к себе:

– Ах, я понимаю, отчего ты оказалась пленена этим, надо признать, смазливый качком, однако, поверь, он тебе не пара. Ведь вокруг так много интеллигентных, добрых, чутких молодых людей...

Она явно намекала на Виктора Титова, а Вика, дрожа от ужаса (и прикладывая неимоверные усилия, чтобы мама этого не почувствовала), ровным тоном произнесла:

– Да, да, так много. Но ведь многие из них могут оказаться *крайне опасными!*

Поцеловав ее в лоб, мама заметила:

– Ты дрожишь, дочка? Тебе холодно?

И Вика тихо произнесла:

– Тебе показалось, мама, я вовсе не дрожу...

Потянулись странные, полные двусмысленностей дни. Вика снова занималась с Виктором, хотя прекрасно понимала, что ему это не требуется, – и он понимал, что она это понимает! Однако она делала вид, что натаскивает его по предметам, в которых он и так отлично разбирался, быть может, даже *лучше ее*. Время от времени она намеренно делала ошибки, и тогда раздавался его тихий ненавистный голос:

– Вичка, мне кажется, что это не так...

Вичка... От этого обращения у нее стыла в жилах кровь. Однако со стороны все выглядело чинно-благородно – родители были довольны тем, что Игорь больше у них не появлялся и что их дочка проводила больше времени с милым и хорошо воспитанным Виктором.

Вика же ощущала, что еще немного, и она сойдет с ума. Титов словно опутал ее липкой сетью, высасывал ее энергию, и она была полностью в его власти.

Как-то сказав, что пойдет за хлебом, и, отвергнув предложение Титова о том, что это может сделать он, Вика выбежала из подъезда и отправилась к реке, где, усевшись на скамейку, уставилась на медленно стремившиеся куда-то вдаль темные воды.

– Вичка, вот ты где! – услышала она знакомый голос и вздрогнула, потому что решила было, что это Титов последовал за ней из квартиры – а ведь ей хотелось всего лишь провести несколько минут одной, без его сводящего с ума общества.

Около нее стоял Игорь. Вика, заметив его, вдруг бурно разрыдалась, а Игорь, усевшись на скамейке и прижав ее к своей груди, нежно гладил ее по волосам.

Вика обо всем рассказала – о том, как Титов внедрился в их семью. О том, что она не сомневается: он устроил пожар, на котором погибли его собственные родители, а также прочие невинные люди. О том, как ее родители от Титова без ума. О том, как он умело вносит разлад и управляет ситуацией.

Наконец слезы иссякли, и Вика прошептала:

– Ты меня ненавидишь за то, что я такая дура? Ты ведь с самого начала сказал, что он шизоид.

Игорь нежно поцеловал ее в висок и ответил:

– Вичка, я тебя без памяти люблю! И хочу, чтобы, когда нам в следующем году исполнится по восемнадцать, мы поженились. И пусть все будут против – никто не в состоянии будет этому воспрепятствовать. А потом мы с тобой уедем отсюда и будем жить долго и счастливо!

Вика сразу же поверила ему – полностью и безоговорочно.

– Это предложение руки и сердца? – спросила она, а Игорь на полном серьезе ответил:

– Нет, предложение жизни и любви. Навсегда и только с тобой, Вичка.

– Прошу, не называй меня так, – произнесла девушка.

– Но тебе раньше нравилось... – удивленно проговорил Игорь, вновь целуя ее.

– Да, но теперь меня называет так он... Титов!

Вика инстинктивно схватила Игоря за руку, потому что была уверена: ее любимый подскочит и пойдет бить смертным боем *подселенца*.

– Боишься, что я сейчас отправлюсь бить его бледную шизоидную морду? – усмехнулся Игорь. – Раньше бы так и сделал, но ведь я хоть и хожу регулярно в качалку, но не идиот. Этот Титов опасен, очень опасен. У меня кровью сердце обливается от одной мысли о том, что он живет в вашей квартире. Но пока он получает то, что ему нужно, от него, как ни парадоксально это звучит, опасности исходить не будет.

– Я так долго не выдержу! – простонала Вика.

– Знаю, Вичка, – ответил Игорь, перебирая ее волосы. – Но это долго и не протянется. Просто от него надо избавляться раз и навсегда. Ты же знаешь, что мой дядька в милиции работает. Попрошу его помочь. Что тебе мамаша Титова поведать успела, из какой области они приехали?

Вика пересказала то, что узнала от мамы Виктора.

– Отлично! Раз он там у врачей наблюдался и, кажется, до сих пор наблюдается, значит, можно его прищучить. Она ведь вела речь о каких-то темных историях, в которые оказался замешан их сынок. Поэтому они и драпанули со старого места жительства... Вот дядька мне и поможет раскопать эти истории. А также связаться с психиатрами, у которых наблюдается этот уродец. И так мы его и прижмем к ногтю!

– Не называй его так! – попросила Вика. – Он больной человек, не более того. Он сам не ведает, что творит...

Игорь усмехнулся:

– Думаю, что *очень даже* ведает. А теперь давай прогуляемся по набережной, я так по тебе соскучился!

Вика испуганно встрепенулась:

– Но я только за хлебом вышла, а ведь и так около часа уже прошло...

– Ты что, будешь плясать под дудку этого шизоида? – спросил, Игорь, потянув ее за собой. – Это твоя жизнь, Вичка, вернее, скоро *наша*. Ну, пойдем, пойдем...

Этот вечер был одним из самых упоительных в жизни Вики. Когда она уже в темноте вернулась домой, то больше всего боялась претензий со стороны Титова. Но оказалось, что их *подселенец* уже мирно дрых в своей комнате. Закрывшись у себя, Вика принялась с восторгом думать о том, что скоро, очень скоро, все это закончится.

– А где ты вчера так долго была? – поинтересовался на следующее утро Виктор. – В булочной что, многокилометровая очередь за хлебом?

Вика, очаровательно ему улынувшись, ответила:

– Много будешь знать – скоро состаришься. Кстати, ведь у тебя завтра пересдача по алгебре, не так ли? Думаю, ведь справишься?

– Ну, неплохо бы, чтобы мы с тобой прорешали еще несколько задач... – встрепенулся Титов, но у Вики были совершенно иные планы. Еще ночью она собрала сумку для похода на пляж. Вместе с Игорьком. И его компанией.

– Да, очень даже неплохо! – поддержала она идею Виктора. – Вот и прорешивай! А у меня другие планы! *ЧАО!*

Еще до того, как Титов смог задать ей ненужные вопросы, Вика, водрузив на голову гигантскую пляжную шляпу, подхватила сумку и выпорхнула из дома.

Когда они всей компанией садились на речной трамвайчик, который должен был доставить их на противоположный берег, где располагался самый престижный пляж города, Вике вдруг показалось, что среди толпившихся на пристани она заметила угрюмое бледное лицо Титова.

– Что-то не так? – спросил Игорь, прижимая ее к себе, а Вика подумала, что если даже *подселенец* и последовал за ними, то думать о нем она больше не намерена. Ибо Виктор Титов потерял над ней власть – *над ней и ее жизнью*.

– Да нет же, все очень даже так! – заявила Вика, громко смеясь. – Быстрее, на корму, там так классно!

И они всей гурьбой, хохоча и дурачась, устремились по протянутым трапам на борт речного трамвайчика.

– Куда это ты собралась? – Виктор уставился на поднимающуюся из-за стола Вику, которая боялась опоздать на речной трамвайчик. – Снова на пляж?

Вчерашняя сцена повторялась вплоть до деталей.

Девушка, одарив Титова милой улыбкой, ответила:

– А даже если и так, то ты что, *против*?

Виктор, отбрасывая от себя недоеденный сырник, заявил:

– Не пара тебе этот тупой спортсмен, а его еще более тупые дружки тебе и в подметки не годятся, Вичка! Я уже и с родителями твоими по этому поводу говорил, они придерживаются такого же мнения...

Он с *ее* родителями говорил! И они придерживаются *такого же* мнения. Вот ведь фрукт!

– Кто ты такой, Титов, чтобы обсуждать с моими родителями такие вещи? Ты что, *мой муж*? – произнесла девушка, беря со стола пляжную шляпу.

Виктор, подскочив к ней, затараторил:

– Прошу, не называй меня по фамилии. Не он тебе нужен, Вичка, не он! И вообще...

– И вообще, – прервала его Вика, – ты без всяких проблем пересдал один экзамен, а завтра сдашь и второй. Надеюсь, потом ты избавишь нас от своего присутствия. А сейчас мне пора, меня ждут. Мой *тупой* спортсмен и его еще *более тупые* друзья...

Сказав это, Вика направилась к двери, однако, остановившись на пороге, повернулась и добавила:

– И избавь нас от своего ненужного общества, Титов. Я же знаю, что ты в тот раз отправился за реку и шпионил за нами из-за кустов. Все над тобой смеялись. Лучше останься дома и готовься к завтрашнему экзамену. А заодно собирай вещи – я поговорю с родителями, потому что ты должен покинуть нас *в самое ближайшее время*.

Последующие часы Вике было не до Титова, однако все изменилось в тот момент, когда одна из девчонок их компании, взвизгнув, указала на кусты, около которых они расположились на пляже.

– Там кто-то притаился. Неужели снова этот *шизоид*?

Игорь, несмотря на увещания Вики, решительно завернул за кусты, и Вика, последовав за ним, увидела Титова, державшего в руках фотоаппарат.

– Ты что тут, извращенец, делаешь? – спросил его сурово Игорь, отнимая фотоаппарат. – И что ты тут снимаешь?

– Это моя собственность, я буду жаловаться! – заявил Виктор.

Но Вика усмехнулась:

– Твоя собственность, Витя, сгорела при пожаре, кажется, тобой самим и организованным. Интересно знать, откуда у тебя так быстро появился навороченный иностранный фотоаппарат?

Покрутив фотоаппарат в руках, Игорь извлек из него катушку пленки. Визжа, Виктор бросился на молодого человека, но тому хватило одного движения, чтобы Титов оказался извивающимся на песке.

– Что было, того больше нет, – заявил не без удовлетворения Игорь. – И если ты там кого-нибудь и снимал, то теперь не сможешь шантажировать.

Виктор поднялся с песка, из носа у него струилась темная ниточка крови.

– Вичка, твои родители будут в шоке, если узнают, что ты проводишь время с этими оболтусами...

– Но *от кого* они могут узнать? – произнесла мягко Вика, беря Игоря под руку. – Только от тебя, Витя. Но ты ведь не скажешь? Ты же все уши прожужжал мне о том, какой ты рыцарь и как тебе важно защитить меня. Неужели ты хочешь спровоцировать ссору между мной и моими родителями?

– Вичка, прошу... – начал Титов.

Но Игорь, шагнув к нему и ткнув в плечо пальцем, заявил:

– И не смей больше называть ее так! Потому что это мое обращение, ты понял, *шизоид*?

– Не прикасайся ко мне! – завизжал Виктор.

– Иначе *что*? – со смешком ответил Игорь. – Иначе ты *превратишься в тыкву*, шизоид?

Тяжело дыша, Виктор смотрел на Вику. К ним подтянулись прочие ребята, кто-то сделал глумливое замечание, и скоро все собравшиеся открыто смеялись над Титовым.

– Смейтесь, идиоты, вы еще меня не знаете! – заявил он тихо, и его глаза сверкнули гневом.

Вика погладила Игоря по руке:

– Прощу, давай оставим его в покое, мы сюда отдыхать приехали.

Сама же она думала о том, что если ее ужасные предположения верны и Виктор Титов в самом деле организовал поджог домов, то на его совести множество трупов.

И пусть он смешной, неуклюжий и странный – помимо всего прочего, он еще и *очень-очень опасен*.

– Кстати, шизоид, ты ведь не в курсе, но мы с Вичкой поженимся, как только окончим школу? – сказал под одобрительные возгласы приятелей Игорь. – И учти, шизоид, тогда на правах законного супруга я, в случае необходимости, тебя жестоко проучу!

– Или я тебя... – услышала Вика, ближе всех стоявшая к Титову, его придушенный шепот. Кажется, никто, кроме нее, зловещих слов не услышал – а если бы и услышал, то не обратил бы внимания, потому как что мог причинить этот хилый чудик рослому сильному красавцу Игорю?

Вика настояла на том, чтобы продолжить отдых, а Виктору было велено немедленно отправиться обратно на другую, городскую, сторону. Перед тем как вернуться на пляж, Вика обернулась – и увидела искаженное злобной гримасой лицо Титова, а также сияние его арктически-ледяных глаз.

И, несмотря на горячее солнце одного из последних летних деньков, ее пробрал мороз.

Удивительно, но факт: инцидент на пляже возымел действие, и Виктор, успешно пересдав все три заваленных (*намеренно* заваленных, как не сомневалась Вика) экзамена, к концу недели съехал.

Родители Вики на полном серьезе предлагали ему остаться, Вика же всерьез опасалась, что это не более чем очередной фарс, разыгранный Титовым, дабы позволить склонить себя к продолжению жития у них, однако Виктор оказался непреклонным и, в витиеватых выраже-

ниях поблагодарив за помощь, переехал в общежитие университета, где Викин отец-проректор сумел организовать ему на пару месяцев комнату.

– Ты уж извини, если что-то не так было, – сказал он напоследок Вике, и та оторопело усталилась на протянутую ладонь. *Не так?* И это говорит человек, который терроризировал ее на протяжении долгих недель и который наверняка убил собственных родителей, а также еще нескольких абсолютно непричастных ко всем событиям людей?

Ей не оставалось ничего иного, как пожать его руку, однако этим дело и ограничилось – в отличие от родителей обнимать Виктора она не стала, да и произносить лживые слова о том, что «как жаль, что ты нас уже покидаешь», не собиралась.

Когда дверь за ним закрылась, Вика, не веря своему счастью, плюхнулась на диван и расхохоталась. Что же, похоже, эта проблема осталась в далеком прошлом.

И вздохнула – до начала нового учебного года оставалось пять дней. Однако она не хотела продления каникул, как когда-то раньше: наоборот, Вика с нетерпением ждала сентября. Потому что чем ближе окончание школы, тем ближе ее и Игоря восемнадцатый день рождения – а значит, и их свадьба!

Вечером того же дня, прогуливаясь с Игорем по набережной (и получив от него в подарок милого розового фарфорового бегемотика), она узнала последние новости.

– Да, мой дядька-милиционер сумел кое-что узнать. Этот Титов еще тот типок. Замешан в массу темных историй, причем в двух со смертельным исходом. Однако в обоих случаях он не проходит даже как свидетель – просто мелькает где-то на периферии, но участники событий уверены в том, что все эти ужасные дела затеяны именно им. Он из разряда особо опасных психопатов, которым нравится вмешиваться в жизнь абсолютно чужих людей и разрушать ее. Но делает он это столь изощренно, зачастую руками вторых и третьих лиц, что самого его прищучить пока что не удалось.

Вика вздохнула, а Игорь, купив ей мороженое, сказал:

– Но это не значит, что на него нет управы. Потому что сколько веревочке ни виться... Да, с правовой точки зрения его подкузьмить невозможно, по крайней мере, в данный момент. Но зато *с медицинской!*

Он торжествующе замолк, а когда они от набережной удалились в парк, продолжил:

– То, что он делает, может быть, все очень изощренное и хорошо продуманное, но напрочь сумасшедшее. Поэтому неудивительно, что он состоит на учете в психиатрическом диспансере, более того, еще ребенком он провел много времени в особой психиатрической больнице в соседней области. Дядя пока что не смог выяснить, что к чему, однако он не оставляет надежды. Я же узнал имена нескольких врачей, которые наблюдали Титова, и обратился к ним. Один меня сразу отшил, другая элементарно не отозвалась, еще один на пенсии и колесит по стране. Но я тебе клянусь, Вичка, что мы его дождем! Потому что если узнать, что у него за диагноз, и пригрозить шизоиду или предать это огласке, или сделать так, чтобы он надолго, а то и навсегда оказался в психушке, то ему придется прекратить преследовать тебя.

Доедая мороженое, Вика ответила:

– Он и так прекратил. Может, оставить его в покое?

Игорь упрямо мотнул головой:

– Вичка, нет, нельзя. Я тут говорил с одним местным аспирантом-психиатром – такие типы, как Титов, очень и очень опасны. Они не ведают границ и в итоге могут учинить такое, что затронет всех. Его надо изолировать от общества. Тем более сама посуди, если он кокнул своих собственных родоков, а также соседей, которые, так сказать, под руку подвернулись, то что еще можно ожидать от такого уroda?

Вика не нашлась что ответить. Если эти страшные предположения верны, то Виктора действительно требуется изолировать от общества, причем как можно скорее.

– Мой дядя-милиционер и пожаром тоже займется. Потому что, скажу по секрету, они исходят из версии поджога. И точно: поджог шизоид и организовал! Хочешь еще мороженого, Вичка?

Вика покачала головой, она думала о том, что для того, чтобы убить собственных родителей, а также прочих невинных людей, не переживая о них совершенно, и все ради того, чтобы въехать в квартиру к объекту своего обожания, надо было быть *очень больным человеком*.

Вернее, очень больным *монстром*.

Вечер завершился очень приятно – после долгих обжиманий на лавочке в парке Игорь проводил Вику до подъезда. Она, уже открыв дверь, вдруг заметила на обратной стороне дороги знакомую фигуру.

Виктор Титов?

Но в сгущающихся сумерках Вика могла запросто и ошибиться. Бегом поднявшись по лестнице наверх, она заперлась у себя в комнате и долго слушала музыку. Была уже глубокая ночь, когда она, подойдя к торшеру, стоявшему у окна, выключила его, так как намеревалась лечь спать, – и замерла.

Да, на этот раз не могло быть никаких сомнений: напротив ее окна, около мигающего светофора, застыл, подобно изваянию, Виктор Титов. В руках у него что-то было, и Вика вдруг отшатнулась – это нечто походило на...

Фотоаппарат? Да нет же, прибор ночного видения! Такие показывали в западных триллерах и приключенческих фильмах.

Вика вдруг вспомнила, что она в лифчике и трусиках. И вдруг произошло самое ужасное – Титов поднял руку и приветственно ей помахал. То есть он не только не пытался скрыть то, что ведет за ней наблюдение, но еще и всячески заострял на этом внимание.

А потом он поднял вверх руку с оттопыренным большим пальцем.

Как ошпаренная Вика отскочила от окна, так и не погасив торшер. Опустившись на ковер и прижавшись к дивану так, чтобы ее точно нельзя было увидеть с улицы, она беззвучно зарыдала.

И отчего этот... этот *шизоид* не оставит ее наконец в покое? Он же обещал! Рука Вики потянулась к телефону – позвонить в милицию? И что сказать: что ученик ее же школы, из параллельного класса, наблюдает за ней в прибор ночного видения?

Или позвонить Игорю и пожаловаться ему? Все закончится тем, что Игорь, обуреваемый праведным гневом, набьет Титову морду.

Вика решила никому не звонить. Натянув халат, она осторожно подошла к торшеру, все еще ожидая, что Титов ведет наблюдение.

Но нет, около светофора никого уже не было. Радостно вздохнув, Вика быстро выключила торшер, а потом затянула плотные шторы. Лежа в постели, она чувствовала, что ее знобит и на глаза снова наворачиваются слезы. Если так будет продолжаться и дальше, то она превратится в истеричную особу, которая боится собственной тени.

Наверное, идея сделать так, чтобы Титова заперли в тюрьму или хотя бы в психиатрическую больницу, причем заперли на долгий срок, а еще лучше навсегда, *не так уж и плоха*.

– Он что, наблюдал за тобой *в прибор ночного видения?* – взревел Игорь, которому Вика упорно не хотела поведать о малоприятном происшествии, однако не выдержала расспросов и рассказала обо всем.

– Да, но потом он быстро исчез, и все было в порядке, – пролепетала Вика, кляня себя за то, что поддалась секундной слабости и снова вовлекла Игоря в происходящее.

– На этот раз он перешел границы дозволенного! – заявил молодой человек, поднимаясь из-за столика в кафе «Слоненок», в котором они сидели в центре города. – Извини, Вичка, мне пора.

Вцепившись в руку любимого, Вика запричитала:

– Нет, прошу, не надо никаких непродуманных действий, Игорек!

– Кто сказал, что они будут *непродуманные*? – осклабился он. – Вичка, девочка моя, неужели ты сама хочешь, чтобы это так продолжалось? Правильно, не хочешь. Да и если на то пошло – этот тип болен, ему нужна профессиональная медицинская помощь. Ты же не хочешь, чтобы он страдал?

Вика, все еще удерживая руку Игоря, произнесла:

– Поклянись, что не будешь его бить!

– Да я его и пальцем не трону! – заявил с легкостью Игорь. – Клянусь!

И, поцеловав Вику, он исчез из кафе.

Утром Вику разбудил телефонный звонок, и Игорь доложил:

– Проблема решена, Вичка! Мы провели с шизоидом *воспитательную беседу*.

– Ты же поклялся, что и пальцем его не тронешь! – воскликнула Вика, на что Игорь невозмутимо ответил:

– Я и не трогал, Вичка. *Другие* трогали. А мы обговаривали только *мое* невмешательство...

Вика нервно рассмеялась, а Игорь продолжил:

– Ну, мы же не звери. Прижали его маленько, потрепали чуть-чуть. Крови *почти* не было.

– Игорь! – воскликнула возмущенно Вика.

Игорь виновато произнес:

– Ну, если совсем без крови, то такие не поймут. А он понял, проникся, зарекся больше не усложнять тебе жизнь. Я пригрозил ему расследованием его делишек в соседней области, а также пожаром, при котором погибли его родки и соседи. Намекнул, что если будет и дальше портить тебе жизнь, то навредит в итоге исключительно себе. Думаю, что в самом деле до него дошло. И не дуйся, Вичка, потому что надо рассматривать это так: мы помогли этому шизоиду вернуться на правильный путь и уберегали его от очень больших ошибок.

Вика очень сердита, однако в то же время понимала, что дуться на Игоря не имеет смысла. Потому что увещевания, слезы и воззвания к совести в отношении Виктора Титова не имели смысла.

Следовательно, не оставалось ничего иного, как *прибегнуть к силе*.

Последние дни лета пронеслись как ураган, и наконец настал канун первого сентября. Игорь, как всегда, вечером проводив Вику до подъезда, чмокнул ее в щеку и сказал:

– Думаю, твои предки, когда узнают всю правду о шизоиде, быстро проникнутся ко мне любовью. Кстати, когда с ними об этом поговорим?

– Вот когда получишь эксклюзивную информацию от своего дяди, а также от психиатров из соседней области, тогда к ним и пойдем, – заверила его Вика.

– Значит, до конца сентября все разрешится! – просиял Игорь. – Ну, Вичка, до завтра! Линейка во сколько начинается, точно в девять, а не в двенадцать?

– В девять, не забудь! – засмеялась Вика и обняла Игоря. – И не вздумай опаздывать! До завтра, *муженек*.

Когда первосентябрьская линейка началась, а Игоря все еще не было, Вика почувствовала глухое раздражение, переходящее в злость. И как такое может быть, что Игорь в самом деле проспал! Или это не случайность, а намеренный вызов учителям – заявиться на линейку не к началу, а к концу? И это при том, что Михаил Вячеславович, наконец-то официально получивший пост директора, рвал и метал, требуя, чтобы все, кто перешел в выпускной класс, присутствовали – и безо всяких опозданий.

Единственным, кто не явился, был Игорь. Среди «вэшек» Вика перед самым началом линейки заметила и Виктора Титова, который с сосредоточенным видом беседовал со своей классной, кажется, опять по поводу гибели своих родителей, но, когда Титов взглянул на нее и наградил ее ненужной улыбкой, Вика тотчас отвернулась.

Только этого ей еще не хватало!

Линейка подходила к завершению, а Игоря все не было. Внезапно, во время прочувствованной речи Михаила Вячеславовича, по рядам прошло какое-то волнение, и к директору подошла одна из его дородных заместительниц, прошептав что-то на ухо.

Михаил Вячеславович покачнулся, и по школьному двору, еще до того, как он успел прикрыть микрофон рукой, разнеслось:

– Что за лажа такая, Тамара Николаевна?

Блатное словечко из уст директора вызвало всеобщий хохот. Вика же, ощущая всевозрастающее волнение, отчего-то посмотрела в сторону параллельного класса – и вдруг осознала, что Титов буквально сверлит ее взглядом своих арктически-ледяных глаз.

На крыльце, среди руководства школы, произошло какое-то шевеление, Вика увидела милиционера, который, сняв фуражку, подошел к директору и стал что-то ему объяснять. Вика вдруг поняла, что этот милиционер – дядя Игоря.

Потом Михаил Вячеславович, лицо которого вдруг покрылось потом, подошел к микрофону и проблеял:

– По случаю небывалого... гм... *инцидента*... предоставляю слово товарищу майору...

Дядя Игорь, сменив директора, произнес:

– Всех с новым учебным годом, дорогие ребятки, однако у меня печальные вести. Иначе бы и не пришел сегодня к вам. Один из учеников вашей школы, по совместительству мой племянник, Игорь Ломакин, прошедшей ночью...

Он запнулся, а Вика вдруг ощутила, что близка к обмороку.

– ...погиб. Точнее, был *убит*.

По двору прошел ропот недоверия.

– Да, мне очень тяжело говорить об этом, но это так. Так как есть причины предполагать, что вчера вечером он был не один, прошу всех, кто может помочь следствию, обратиться в милицию. Или прямо сейчас. После завершения линейки ко мне – я задержусь в школе. Ну, извините, дорогие ребятки, что принес трагические вести. Всем хорошего нового учебного года.

Едва сдержав под конец всхлип, дядя Игоря отошел от микрофона и резким жестом надел милицмейскую фуражку.

Вика, еще не в состоянии поверить тому, что только что услышала, и чувствуя, что глаза застилают слезы, посмотрела в сторону – и наткнулась на ухмылку Виктора Титова. Тот, заметив, что Вика смотрит на него, медленно поднял большой палец. Вика закричала и потеряла сознание.

В себя она пришла на кушетке в вестибюле школы – над ней склонилась школьная врачиха, подсовывая ей под нос кусок ваты с нашатырным спиртом. Вика, резко поднявшись, заявила:

– Это он! Это он! *Это он убил Игоря!*

Врачиха и несколько учителей, толпившиеся около кушетки, принялись ее увещевать, повторяя принятые в подобные моменты банальности. Вика же не хотела ничего слышать, ее занимала только одна-единственная мысль: Игоря больше нет в живых. Но даже не это вертелось у нее в голове, а образ ухмыляющегося Титова, медленно поднимающего вверх большой палец.

Разве это было не признание *в убийстве*? Вика не могла понять, как другие могут игнорировать столь очевидные вещи. Ведь это Титов убил Игоря! Кто же еще? И при этом убийца не только не стыдился своего ужасного деяния, он им *гордился*.

– Мне нужно поговорить с милицией! – продолжила Вика, делая несколько шагов вперед, и вдруг почувствовала, что ноги ее не держат. Хорошо, что трудовик, который, как она узнала позже, принес ее со школьного двора в вестибюль школы, успел подхватить девушку, иначе бы она рухнула на пол.

Когда Вика снова открыла глаза, то увидела, что находится в карете «Скорой помощи». От ее руки отходило прозрачное шупальце капельницы.

– Куда мы едем? – простила она.

– В больницу, – ответил санитар.

– Не хочу в больницу! Мне нужен кто-то из милиции! Это очень важно, вы понимаете? Очень важно!

Вика осознавала, что ведет себя истерично, но ничего не могла поделать с собой. Она была просто обязана сообщить всем о том, что убийца Игоря – это Титов.

– Конечно, конечно, – ответил санитар, не особо прислушиваясь к ее словам. В его руках появился шприц. – Однако сначала один укольчик, чтобы немного успокоиться.

– Я не хочу успокаиваться, мне нужно в милицию! – всхлипывала Вика, ощущая, как санитар делает ей инъекцию. Перед глазами все закружилось, все проблемы и тревоги отступили, и даже желание обратиться в милицию внезапно исчезло. Вика заснула.

Когда она в очередной раз открыла глаза, то поняла, что находится в палате, а около на нее на стульях восседают мама и отец. Мама, заметив, что она пришла в себя, взволнованно спросила:

– Доченька, как ты себя чувствуешь?

Вика рывком уселась на кровати и ответила:

– Какая разница! Вы можете организовать так, чтобы пришел кто-нибудь из милиции?

Отец, поправив очки, ответил:

– Дочка, не надо спешить. Конечно, мы понимаем, ты хорошо знала этого... этого погибшего молодого человека. Но это не значит, что ты должна давать показания...

– *Папа!* – воскликнула Вика. – С этим погибшим молодым человеком мы хотели в следующем году пожениться!

Родители переглянулись, а отец протянул:

– Ну, теперь-то он умер...

Вика заплакала, а мама, попросив отца выйти из палаты, присела на кровать и, прижав к себе дочку, принялась ее утешать:

– Ну, что же поделать, если судьба так распорядилась. Подумай, какие планы были тогда у дяди Васи, а затем последовала эта нелепая автокатастрофа, в которой он погиб...

– Это вовсе не судьба распорядилась, а он! – пробормотала Вика.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, дочка, – с недоумением ответила мама.

Конечно, мама не понимала. Как не понимал и отец. Они ведь и поверить не могли, что столь понравившийся им Виктор Титов – на самом деле убийца-психопат, лишивший жизни собственных родителей, нескольких соседей, бог весть кого на старом месте жительства, а теперь еще и Игоря.

Ее Игоря.

– А к тебе гость! – возвестил отец, раскрывая дверь. Вика заметила пышный букет хризантем, которые кто-то внес в палату.

Мама, восторженно подошла к гостю и произнесла:

– Ах, какая прелесть! Надо бы вазу раздобыть, пойду у дежурной сестры спрошу.

Фигура приблизилась к кровати, цветы отъехали в сторону, оказавшись на одеяле, – и Вика узнала физиономию того, кого хотела бы увидеть меньше всего: перед ней стоял облаченный в белую рубашку и отглаженные черные брюки Виктор Титов.

– Нет! – воскликнула Вика, вдруг понимая, что осталась с незваным гостем в палате один на один: мама удалилась, дабы отыскать вазу для цветов, а отец вышел покурить.

– Не нравится? – произнес явно обеспокоенный данной проблемкой на полном серьезе Титов и посмотрел на цветы. – Да, я тоже думал, что лучше бы розы, однако не знал, что больше подходит для больницы. Остановил в итоге выбор на хризантемах, но, если они тебе не по душе, мы их выкинем, и я сбегая и куплю то, что тебе хочется, Вичка. Ты только скажи!

И устремил на нее полный любви и преданности взгляд арктически-ледяных глаз.

Вика не могла поверить, что его занимает вопрос о том, какие цветы ей нравятся, а какие нет. Ее «нет» было обращено, конечно же, не на принесенные Титовым хризантемы, а на появление этого мерзкого человека в палате.

– Что ты здесь делаешь? – пролепетала девушка, вдруг понимая, что Титов может сделать с ней все, что угодно.

Да, буквально все, что угодно.

– Тебя навещаю, – ответил Виктор на полном серьезе и, кажется, совершенно не ерничая. – Знаешь, как я испугался, когда ты потеряла сознание на линейке и тебя в вестибюль школы отнесли. А потом еще и в «Скорую» запихнули...

Вика все еще полагала, что этот разговор, как и появление Титова, всего лишь элементы изощренного кошмара и что она вот-вот проснется и узнает, что...

Что *Игорь жив!*

– Зачем ты *это* сделал? – прошептала Вика и вдруг залилась слезами.

А Титов, усевшись на кровать, где еще несколько секунд назад сидела мама, произнес:

– Ну, Вичка, извини, не хотел, чтобы ты расстраивалась. Хризантемы в самом деле дурацкая затея. Пойду сейчас куплю розы. Ты какие предпочитаешь: красные, желтые, белые? У них я там даже синие видел – может, тебе *такие* купить?

Говоря это, он небрежным жестом отправил принесенный роскошный букет в ведро.

Вика не знала, что ей делать. Этот субъект на полном серьезе полагал, что она плачет, потому что он подарил ей *не те* цветы. А ведь плакала она совершенно по иному поводу!

Потому что он *убил Игоря*.

– Не надо мне никаких цветов! – выдохнула она сквозь слезы. – Зачем ты сделал это, Витя? Зачем ты убил Игорешу?

И уставилась на сидевшего всего в нескольких сантиметрах от нее Титова. Она даже ощущала тепло его тела и специально подобрала ноги, чтобы не касаться Виктора.

Вика ожидала всего, чего угодно – что Титов будет все отрицать. Разгневается. Начнет кричать. Устроит истерику. Обвинит ее в том, что она выдумывает страшные вещи. Даже полезет душить ее.

Но вместо этого Виктор, мило улыбнувшись, одарил ее пронзительным взглядом своих арктически-ледяных глаз и *совершенно спокойно* произнес:

– А что мне оставалось делать, Вичка? Этот типок копошился в моем прошлом, пытаюсь нарыть на меня то, что принято сейчас называть компроматом. Причем с единственной целью: разлучить нас. Тебя и меня. Вот и пришлось от него избавиться. Да и к тому же, как я тебе говорил, этот тупой качок тебе не пара. *Совсем не пара*. И я не мог допустить, чтобы он в ближайшем будущем женился на тебе, Вичка. Вот поэтому я его и убил...

И он снова улыбнулся.

Потрясенная признанием Титова, Вика не знала, как на него реагировать. Дверь раскрылась, появилась мама с уродливой керамической вазой в руках.

– Ой, а почему цветы лежат в мусорном ведре? – произнесла она в недоумении.

На что Виктор ответил:

– Они Вичке не понравились. Я пойду сейчас куплю розы.

Мама, сердито взглянув на дочку, извлекла букет хризантем из ведра и аккуратно поставила в вазу.

– Дочка, нельзя же быть такой эгоисткой! Витя пришел, кстати, единственный из школы, чтобы навестить тебя, принес такие шикарные цветы, а ты так ведешь себя... Куда бы их поставить?

Мама явно не знала, куда деть вазу с цветами, а Титов галантно произнес, забирая у нее вазу:

– Разрешите мне?

– Мама, он только что признался, что... – Вика смолкла, потому что заметила, как Титов замер позади мамы, высоко подняв над головой вазу с хризантемами – со стороны это выглядело так, *как будто* он был готов со всей силы опустить вазу на затылок ничего не подозревавшей мамы.

– Извини, я не расслышала, что ты сказала, дочка? – спросила мама, не видя, что разыгрывается за ее спиной, а Титов, усмехаясь, сделал движение вазой вперед, явно давая понять Вике, наблюдавшей за всем этим немигающим взором, что он *готов убить ее маму* – здесь и сейчас.

Если она что-то скажет.

– ...что ошибся в выборе цветов, – выдавила из себя Вика.

А Виктор, ставя вазу на подоконник, произнес:

– Я так и знал, что хризантемы вашей дочке не нравятся. Розы в самом деле были бы лучше.

В палату вошел отец и, поправив очки, произнес:

– Ах, Витя, молодец, что заглянул. Я только что говорил с твоим лечащим врачом, дочка, его младший сын, кстати, учится у меня в университете на юридическом. Так вот, он сказал, что ничего серьезного, просто нервы...

Ничего серьезного? Вика в изнеможении откинулась на подушки. Да, в самом деле ничего серьезного – только Титов прошедшей ночью *убил Игоря*.

А так все *тип-топ, беби*.

– Думаю, Вике надо отдохнуть, – произнес нейтральным тоном Виктор, увлекая за собой родителей. – Давайте не будем ей мешать и выйдем в коридор.

Они удалились, а Вика, выждав несколько мгновений, откинула одеяло и опустила ноги на пол. А затем босиком подбежала к неплотно прикрытой двери и прислушалась к голосам в коридоре.

До нее донесся приглушенный голос Титова, который, судя по всему, учил ее родителей уму-разуму, что они, конечно же, не понимали. Как и то, что он – убийца-рецидивист и психопат-манипулятор по совместительству.

– ...подлинный шок. Все же не следует забывать, что она была привязана к этому полукриминальному качку... Как его?.. Игорю Ломакину...

Вику передернуло от отвращения – и почему никто, кроме нее, не видит, что за мразь этот Виктор Титов? Остальные считают его благовоспитанным, интеллигентным, милым юношей, к тому же пережившим столь ужасную трагедию – смерть обоих родителей во время пожара.

К слову, *им же самим и организованного*.

– Но у них ведь ничего серьезного не было? – слышался обеспокоенный голос отца, который *на полном серьезе* обсуждал с убийцей Игоря любовную жизнь своей дочери.

– Нет, нет, – заверил Титов. – Однако могло бы, так что, как ни прискорбно это говорить, этот типок умер вовремя. Понимаю, такие вещи обычно вслух не произносят, но этот Ломакин

был настоящим Казановой и разбивателем девичьих сердец. И, вы уж извините великодушно, *целок*. Он бы причинил Вичке столько горя. Хорошо, что он умер!

И родители, ее родители, взрослые адекватные люди, ничего не возразили на эти кошмарные слова, а, кажется, наоборот, даже поддержали высказывания убийцы.

Вика боролась с сиюминутным желанием распахнуть дверь и закричать на весь коридор: «Он знает, о чем говорит! Потому что он и убил Игоря!»

Но в итоге она не сделала это, вспомнила, что имеет дело с *крайне опасным субъектом*. Титов ведь только что угрожал убить маму – и Вика, зная о тех кошмарных вещах, совершенных им уже, была уверена, что он без колебаний приведет в исполнение эти угрозы, если поймет, что ему что-то угрожает.

Поэтому она вернулась в постель, накрылась одеялом с головой и притворилась спящей.

Через некоторое время скрипнула дверь, в палату кто-то вошел. Она ощутила, как этот кто-то заботливо поправил одеяло, а потом услышала до ужаса знакомый, тихий вкрадчивый голос:

– Вичка, на твоём месте я бы молчал. Потому что тебе все равно никто не поверит, сочтут бреднями экзальтированной особы. А твои родители, чего доброго, ещё подключат психиатра и запрут тебя *в дулку*. А там мало хорошего, поверь мне.

Вика, понимая, что и Титов понимал, что она не спит, а внимает его страшным словам, все же не шевелилась, чувствуя, что холод сковывает её тело и что она элементарно боится пошевелиться.

– Я же знаю, что ты не спишь, Вичка. Так что учти – я охраняю тебя днём и ночью. На меня ты, в отличие от этого фанфарона Игорька, можешь положиться. Тем более что он теперь будет гнить на кладбище.

Вика тихо заплакала, горячие слезы потекли по щекам, и ей было все равно, заметил ли Титов это или нет.

– Ну, не горюй, потому что он этого не заслуживает. Подумай о том великолепном будущем, которое тебя ожидает. Я ведь предотвратил множество бед – думаешь, вы бы поженились? Вряд ли. Этот типок нашел бы себе другую шлюшку. Наш Игорек ведь всегда думал своим членом, и тебе это было отлично известно.

Вика продолжала беззвучно плакать.

– А если бы и поженились, то разве ты не знаешь, что почти все браки, заключенные в восемнадцать, распадаются в течение десяти лет? Статистика, Вичка, великая вещь! Ты бы забеременела, сидела дома с сопливыми детишками, не смогла бы сделать карьеру, а твой красавец-муженек пропадал бы по вечерам, а то и по ночам. Шлялся бы по бабам, а в итоге огоршил бы тебя, беременную очередным горластым чадом, новостью о том, что прошла любовь, завяли помидоры и что он уходит к какой-нибудь другой Вичке – конечно же, помоложе и пошалавистее...

Откинув одеяло, Вика сквозь слезы зло крикнула:

– И поэтому ты взял на себя функции господ бога? Я что, тебе ещё спасибо сказать должна?

Стоявший перед кроватью Титов, одарив её взглядом арктически-ледяных глаз, произнес:

– Благодарности от тебя я не требую, Вичка, да и не смею ожидать. Просто знай, что у тебя имеется собственный ангел-хранитель и что он убережет тебя от всяческих бед!

Под ангелом-хранителем Титов подразумевал, естественно, самого себя. Вику передернуло от отвращения, но также от страха. Кто бы мог подумать, что этот тщедушный, бледный парень совершил уже *столько* убийств.

– Но зачем сразу убивать? – прошептала Вика, чувствуя, что на нее накатил новый спазм – слезы буквально хлынули из глаз.

Виктор, снова присев рядом с ней на кровать, однако не прикасаясь к объекту своего вождения, охотно пояснил:

– Потому что он бы не отступился. Конечно, ты отчасти права, можно было сделать его инвалидом. Но зачем тебе муж в коляске и без функционирующей нижней половины? Уверен, что ты бы и тогда вышла замуж за этого калеку и тогда бы твоя жизнь сложилась *еще ужаснее*, чем со здоровым Игорем. Да и убить всегда проще: нет человека – нет и проблемы!

Двери раскрылись, появились родители. Виктор, поднимаясь с кровати, сказал:

– К сожалению, Вичке требуется таблетка или укол. Она плачет и не может успокоиться.

– Не нужно мне ничего! – закричала девушка, поражаясь тому, как истерично и неадекватно звучит ее голос. Поэтому, когда появилась пожилая сестра с уколом, пришлось подчиниться, тем более что на этом настояла мама.

После инъекции мысли в голове стали путаться. Виктор вместе с родителями стоял возле кровати, они вели беседу о каких-то совершеннейших пустяках. Последняя мысль перед тем, как она заснула, была:

«Дядя Игоря наверняка может помочь».

– Ну-с, ты хотела со мной поговорить? – произнес дядя Игоря, майор Ломакин, проводив Вика в свой небольшой, заваленный папками и бумагами кабинет.

С момента убийства Игоря прошло три дня – похороны были назначены на грядущую неделю.

Родители хотели, чтобы Вика провела в больнице всю неделю и осталась там и на время похорон, но она была непреклонна, заявив, что чувствует себя отлично (что отчасти было правдой: физически она чувствовала себя великолепно), она настояла на том, чтобы ее выписали как можно быстрее.

Вика с ужасом ожидала, что вместе с родителями забирать ее заявится и Титов, однако ее опасения не сбылись – Виктор так и не появился. Вернувшись домой, Вика была еще на больничном, но, заявив, что ей требуется свежий воздух и одиночество, отправилась на набережную. Однако вместо того, чтобы сесть на одну из скамеек и часами таращиться на реку, Вика направилась в отделение, где работал дядя Игоря.

– Да, спасибо, что нашли для меня время, – произнесла Вика, заметив, как милиционер быстро спрятал в ящик стола недопитую бутылку коньяка.

Он освободил от папок стул, указал Вике на него и произнес:

– Ну, садись. Кстати, моего племянника помянуть не хочешь?

Еще до того, как Вика смогла отреагировать на этот вопрос, он снова извлек из ящика только что исчезнувшую там бутылку коньяка, поставил на стол две стопки – себе и Вике, и наполнил их до краев.

– Ну, за моего племянника, пусть земля будет ему пухом, – сказал майор и опрокинул в себя одним махом всю стопку. Вика, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы (в последнее время ей хотелось плакать беспричинно и в самых неподходящих местах), немного пригубила алкоголя. Она знала, что Игорь спиртное не уважал, да и вернуть его, потребляя излишнее количество горячительных напитков, было тоже невозможно.

Однако на этот вопрос дядя Игоря придерживался, судя по всему, диаметрально противоположного мнения. Закусив стопку коньяка ириской и любезно предложив конфетку из пакетика и Вике, которая отказалась, он заявил:

– Ты ведь его подружкой была...

– И, вероятно, последней, кто видел Игоря живым! – сказала Вика. – Я хочу дать показания, это важно для следствия. И еще...

Вика тщательно обдумала то, что намеревалась сейчас сообщить. Она понимала, что тем самым поставит под удар своих родителей и саму себя, однако она не могла иначе.

Просто-напросто не могла.

– Да, и еще... Думаю, что мне известно, кто убил Игоря. Понимаете, это запутанная и совершенно неправдоподобная история, но, клянусь, он сам в моем присутствии сознался в убийстве! И кроме того, он причастен еще и к другим, например...

Майор Ломакин, звякнув бутылкой коньяка и набулькывая себе еще одну стопку, заявил:

– Ну, с этим-то как раз все ясно. А ты наверняка еще не знаешь, потому что в больнице лежала. Да и твои родители не хотели, чтобы тебя информировали... *Мы взяли убийцу!*

У Вики тотчас отлегло от сердца. Что же, дядя Игоря ведь сам был посвящен в расследование темных делишек Титова, поэтому неудивительно, что он принялся самостоятельно рыть в нужном направлении.

– Вы *его* взяли? – произнесла Вика ровным тоном, опасаясь выдать свое ликование. – И он уже сознался?

Майор, опрокидывая в себя вторую стопку коньяка (и Вика была уверена, что до ее появления он принял на грудь *гораздо больше*), снова закурил ириской и ответил:

– Нет, с этим, по причине его состояния, будут кое-какие проблемы. Однако все улики налицо. Прямо на кухонном столе, в мойке, нашли нож, которым был убит Игорек...

Вика закрыла глаза – она ведь знала, что кто-то, напав на Игоря в темноте около собственного дома, *шестнадцать раз* ткнул ему в спину и горло остро заточенным ножом.

Нет, не кто-то, а *Виктор Титов!*

– На ноже эксперты обнаружили только его отпечатки. Кроме того, у него в квартире отыскан кошелек Игорька, золотой крестик, а также часы, которые я сам ему подарил на пятинадцатилетие.

Вика еле сдержала рыдания – она помнила, как Игорь доставал свой кожаный кошелек, чтобы расплатиться в кафе. Как на его мускулистой груди покачивался небольшой золотой крестик. Как на его запястье сверкали крутые заграничные часы, объект гордости многих одноклассников.

– Так что никаких сомнений в виновности этого мерзавца нет, – продолжил милиционер. – Нам повезло, что кто-то, наверное, соседи, видели, как он заявился к себе на квартиру с окровавленными руками, два дня спустя анонимно позвонил в городское управление и дал наводку... Ну а остальное – дело техники. Ребята наведались по адресу, нашли его в бессознательном состоянии и квартиру, полную улик...

– *В бессознательном состоянии?* – переспросила Вика, ничего не понимая. – И квартиру, полную улик?

Ведь, насколько она была в курсе, Титов по-прежнему проживал в комнате университетской общаги, куда его устроил ее отец-проректор. Или этот верткий тип уже успел заполучить собственную хату?

Однако о бессознательном состоянии Титова ей ничего не было известно – выходит, в последние часы многое произошло?

– А что с ним случилось? – спросила Вика.

– То, что с каждым наркошей случается рано или поздно! – злобно заявил майор. – А этот ведь уже нарик давно, со стажем. Слишком много себе впрыснул, впал в кому и теперь вряд ли когда-нибудь вообще оклемается. А если и придет в себя, то вряд ли будет прежний, наверняка сможет только лежать в постели и слюни пускать. Надеюсь, эта тварь сдохнет! Хотя мог бы ввести себе эту дозу не после того, как убил Игорька, а до! И все было бы отлично!

Ничего не понимая, Вика в волнении поднялась со стула, едва не опрокинув собственную, еще почти до краев полную стопку коньяка.

– Но разве Титов наркоман? Он что, в больнице? Я не знала...

Ломакин, бабахнув кулаком по столу так, что закачались башни из папок, заявил:

– Да какой, к черту, Титов? Я веду речь об Антоне Дундукове, предводителе местной шпаны по кличке Дуремар.

Вика опустила обратно на стул, потому что голова внезапно закружилась. *Дуремар...* Его отчислили из школы в прошлом году, и с тех пор он в самом деле пошел в полный разнос, то ли спившись, то ли промышляя наркотиками. Но *при чем тут Дуремар?*

Она адресовала этот вопрос дяде Игоря, и тот, дыша перегаром, заявил:

– Девочка, ты что, тупая? Дуремар давно затаил злобу на Игорька. Это же опять с тобой было как-то связано, не так ли? Дуремар со своей командой к тебе приставал, а Игорек потом его проучил. Ну, Дуремар тогда и поклялся, что рано или поздно отомстит Игорьку, это многие слышали. Вот и отомстил. Правда, уже значительно времени с той поры прошло, но этот Дуремар ведь сидел, причем очень прочно, на игле. И в итоге напал на Игорька, убил его, а чтобы никто не заподозрил, что это месть с его стороны, инсценировал ограбление. А потом на радостях всадил себе дозу, причем слишком большую, впал в кому и теперь лежит в больнице, находясь между жизнью и смертью. Надеюсь, эта мразь сдохнет, не приходя в сознание! Иначе сам пойду и разряжу в него табельное оружие!

Вика, в ужасе таращась на полную стопку коньяка, схватила его и отпила одним глотком практически половину.

– Молодец, девка! Ну, давай, что ли, еще...

Ломакин загремел бутылками в ящике стола, а Вика заметила:

– Вы ошибаетесь...

– *Что?* – выпучился на нее майор. – Девка, это ты о чем?

– Я об истинном виновнике смерти Игорька. Он ведь вам рассказывал о... Викторе Титове, который преследует меня с некоторых пор?

Ломакин напрягся и, почесав голову, заметил:

– Ну, было дело... Просто я в суматохе об этом шизоиде давно уже забыл.

Вика горько усмехнулась.

– Это его рук дело, поверьте мне! Он сам мне признался в убийстве Игорька! *Сам!* Он боялся, что ваше расследование обернется для него опасным, да и он не хотел, чтобы... Чтобы Игорь и я поженились...

Дядя Игорь, не разбирая, схватил недопитую стопку Вики и опрокинул ее содержимое себе в глотку.

– Девка, ну ты даешь! Ну да, теперь я припоминаю, что этого шизоида подозревали в организации пожара. Хотя это все на уровне предположений и слухов, улики-то никаких нет...

Затем, уставившись на Вику, майор заявил:

– Но подожди, а Дуремар тут при чем? Он что, как это сейчас модно среди новых русских и всех этих банкиров в Москве, *наемный киллер*? Понимаю, этот Титов нанял Дуремара, чтобы тот убил Игорька...

Вика покачала головой и ответила:

– Нет, насколько я знаю Виктора, он не будет вовлекать в осуществление своих планов посторонних, к тому же таких ненадежных, которые, чего доброго, решат его потом шантажировать. Просто Титову было с самого начала ясно: ему нужен козел отпущения, иначе если он не презентует как можно раньше убийцу Игорька, то рано или поздно следствие выйдет на него самого. Поэтому это даже не одно простое убийство, а убийство *многоступенчатое!*

Вздыхнув, она презентовала изумленному милиционеру свою версию, абсолютно уверенная, что дело было именно так.

– Убийство Игорька совершено Титовым. Он выждал его около дома, нанес... – Вика запнулась, чувствуя, что к горлу подступил комок. – Нанес ему шестнадцать ножевых ранений. А потом забрал у Игорька бумажник, золотой крестик и часы. И все это подложил в квартиру

Дуремара, предварительно засадив ему смертельную дозу, но, видимо, то ли чего-то не рассчитал, то ли организм Дуремара оказался сильнее, чем на это рассчитывал Титов. А потом, выждав, сделал анонимный звонок и навел на след Дуремара, обвинив его в убийстве. Ваши люди приехали к тому на квартиру, нашли все, что изобличало Дуремара в причастности к убийству, и не стали задавать лишних вопросов. Ведь почему они должны задавать вопросы, если нашли убийцу? Но убийца другой человек – *Виктор Титов!*

Майор Ломакин, пройдясь по кабинету, крикнул:

– Тебе, девка, имя не Агата Кристи, случайно? Просто уж слишком невероятный сюжет!

– Вы же сами были отчасти вовлечены в расследование деяний Титова! Как вы сами считаете, он способен на такую изощренную интригу, точнее, *многоступенчатое убийство*?

Дядя Игоря долго не отвечал на вопрос Вики, а когда наконец подал голос, то произнес:

– Что же, думаю, ты права. Не могу сказать, что именно, но и мне все это дело кажется уж слишком... Слишком *явным!* Как будто режиссер на заднем плане постарался в обустройстве декорации. А, говоря проще, все это одна *большая подстава*, девка!

Подойдя к столу, он схватил пустую бутылку и швырнул ее в ящик.

– Ладно, племяша еще не похоронили, а я тут раскис. И собрался на полном серьезе пойти в больницу и пристрелить этого Дуремара. Выходит, он такая же жертва, как и Игорек?

Вика медленно кивнула.

– Думаю, да. Что, конечно, не отменяет того, что этот Дуремар – личность крайне неприятная и замешанная в преступлениях. Однако в данном случае к убийству он *не причастен*. Титов отлично знал, что у Дуремара был зуб на Игорька, и решил использовать это в своих целях. И как нам теперь быть?

Майор, почесав голову, заявил:

– Ну, если ты заявишься к моему начальству с такой версией, то тебя вежливо выслушают, покрутят пальцем около виска и отправят восвояси. А от меня они так просто не отделаются. Конечно, будут упирать, что у них имеется великолепный подозреваемый, более того, все улики на него указывают! Но это и подозрительно! Знаю я одного бывалого следака, въедливого и головастого, к которому можно обратиться. Да и этот твой Титов...

– Он не мой! Чей угодно, но *не мой!* – с жаром заявила Вика.

– Ладно, этот Титов, – усмехнулся милиционер, – не такой уж гений. Наверняка мнит себя таким, тем более, судя по всему, ему уже другие убийства с рук сошли. Значит, мог чего недоглядеть или собственные отпечатки в квартире Дуремара оставить. Ну, или следы крови Игорька там, где сам живет...

– Он живет в общежитии университета, – деловито сообщила Вика. – У него можно провести обыск?

Ломакин ответил:

– Можно и нужно, но не все так быстро. Потребуется какое-то время, чтобы убедить нужных людей. Потому что никому не хочется разрабатывать альтернативную, к тому же такую невероятную, версию, если имеется подозреваемый с джентльменским набором улик. Однако я не отступлюсь!

И, смерив взглядом недопитую стопку коньяка, дядя Игоря отставил ее в сторону и зло произнес:

– Теперь больше ни капли. Кстати, ты ведь придешь на похороны Игорька?

Похороны Игоря превратились в подлинное народное шествие. Улицы около его дома были запружены людьми, некоторые пришли по причине праздного любопытства, но в большинстве толпу составляли те, кто знал Игоря. Весь его класс, а также параллельные классы, как, впрочем, и учителя почтили присутствием это скорбное мероприятие.

Вика намеренно держалась в стороне, решив для себя, что не будет подходить к утопавшему в цветах гробу, в котором лежал Игорь. Игорь умер – и вернуть его невозможно. Однако она была готова приложить все усилия, чтобы покарать того человека, который причастен к его гибели.

Судя по разговорам в толпе, никто не сомневался, что убийцей является Дуремар. Вика только один раз поговорила по телефону с майором Ломакиным, который сказал, что не все так просто и что потребуется время для того, чтобы разоблачить козни Титова.

Торжественное шествие направилось на городское кладбище, Вика приняла для себя решение сопровождать гроб с телом Игоря до ворот кладбища, а потом уйти.

Игоря она любила и будет любить всегда, однако ее сердце разрывалось при виде гроба, в котором покоился человек, с которым она намеревалась связать свою жизнь.

А Виктор Титов все это *разрушил*.

– Отличный сентябрьский денек сегодня, не так ли? – услышала Вика знакомый голос и, не веря своим ушам, обернулась – около ворот кладбища, в которые плавно втекала многолюдная толпа, застыл с двумя чахлыми, поникшими бордовыми гвоздиками убийца Игоря.

Виктор Титов.

– Что ты здесь делаешь? – вырвалось у Вики.

Титов вздохнул, кидая гвоздики на землю, усыпанную цветами.

– Пришел почтить память Игорька. А что, ты разве против?

Задохнувшись от циничных и наглых слов Титова, Вика вдруг заплакала. Тот же, испуганно подскочив к ней, запричитал:

– Извини, Вичка, извини! Не хотел тебя обидеть. Может, пойдем в кафе? Только не на эти ужасные поминки с рыбными котлетами и кутьей, а в новое кафе, которое недавно в центре открылось, там отличное мороженое и тортики подают...

Утирая слезы, Вика зло сказала:

– Да подавись ты своими тортиками, Титов!

– Как ты можешь мне желать смерти? – пролепетал Виктор, шокированный ее выпадом. – Вичка, я ведь ради тебя на все готов! Жизни своей не пожалею ради тебя! Скажи, что мне сделать, и я это тотчас сделаю...

Всхлипнув, она ответила:

– Тогда иди в милицию и сделай чистосердечное признание. Расскажи, как ты убил Игорька. И как потом повесил вину на Дуремара. Ну что, *кишка тонка*, Титов?

Виктор, глаза которого опять сверкнули арктическим холодом, чинно произнес:

– Не ожидал я от тебя, Вичка, не ожидал. Ведь все, что я делаю, я делаю ради тебя. И вообще, я только воплощаю в жизнь твои тайные чаяния и желания...

– Не ври! – закричала Вика, не обращая внимания на струившуюся мимо них людскую толпу. – Это ты сам себе сочиняешь! Тебе просто нравится убивать, но ты внушаешь себе, что делаешь это мне во благо! Как же ты мне отвратителен, Титов!

Виктор, казалось, был готов разрыдаться. Вика же, оттолкнув его от себя, процедила:

– Ну ничего, думаешь, что такой умный? Мы выведем тебя на чистую воду, причем очень скоро! И тебя до конца твоей никчемной жизни запрут в психушку, Титов. Там тебе самое место!

И, не дожидаясь реакции со стороны Виктора, она убежала.

В одном Титов был прав: день выдался отличный, теплый, солнечный, настоящее бабье лето. Бродя по набережной, Вика вспоминала счастливые моменты с Игорем в прошлые месяцы.

Моменты, которые никогда больше не повторятся.

Домой она вернулась под вечер. Когда в комнату к ней вошла мама и сказала, что ее просят к телефону, Вика не сомневалась, что это дядя Игоря с новой информацией касательно их неофициального расследования.

Однако на проводе был Виктор Титов.

– Привет! – произнес он странным тоном. – Я специально изменил голос, чтобы твоя мама меня не узнала. Ну, как дела?

Вика оторопела: что она могла ответить в подобной ситуации?

– Вичка, хочу извиниться за свое поведение сегодня на кладбище. Но ты должна понять, что твои слова вывели меня из равновесия. Я хочу, чтобы все было как прежде. Нам ведь раньше было так хорошо вместе...

– Иди и сознайся в убийстве Игоря! – отчеканила Вика. – Тогда, быть может, я приду на судебный процесс. И больше мне не звони, Титов! Ты для меня умер.

Она повесила трубку, а выглянувшая с кухни мама заинтересованно спросила:

– Дочка, а кто это был?

– Никто! – ответила Вика и вдруг поняла, что эта этикетка как нельзя лучше подходит Виктору Титову.

Никто.

Утром следующего дня за завтраком Вика просматривала утреннюю газету, в которой было уделено немало внимания похоронам Игоря, как вдруг, надевая на ходу пиджак, в столовую вошел отец.

– Только что позвонили из городской больницы. Прошлой ночью скончался этот самый... Карабас-Барабас... Или как там его? *Дуремар!*

Вика, подавившись сырником, судорожно закашлялась, а потом спросила:

– Его... *убили?*

Отец шокированно взглянул на нее.

– Дочка, откуда такие темные фантазии? Нет, он был в коме, и врачи не надеялись его спасти. У него просто-напросто отказали все органы, и реанимировать его не удалось. Впрочем, туда ему и дорога!

Мама, также сидевшая за столом, быстро перекрестилась.

Вика поняла: умер единственный человек, который мог заявить, что убийцей Игоря является кто-то иной. К этой смерти Титов, судя по всему, был непричастен, *хотя кто знает?*

Значит, ему просто *сказочно повезло.*

Будучи еще на больничном, Вика не находила себе места дома, когда осталась одна. Время тянулось неимоверно долго. Наконец она не выдержала и позвонила в отделение, где работал дядя Игоря: она хотела узнать подробности о смерти Дуремара.

– Майор Ломакин сегодня не работает, отпуск взял, – сообщили ей.

Домашнего телефона у дядя Игоря не было, но Вика знала, где он живет – в районе городского цирка, и отправилась к Ломакину в гости.

Ее сердце екнуло, когда Вика увидела несколько милицейских фургонов, стоявших около подъезда. Не рискнув подниматься в квартиру, она спросила у сидевших на скамейке бабулек:

– А что, собственно, случилось?

Те, *разумеется*, были в курсе произошедшего, охотно доложили:

– Ах, да наш сосед, тот, что милиционер, у которого недавно племянника наркоман прирезал, ночью возвращался домой, в подпитии был – и в открытый люк упал. Шею себе сломал. Умер на месте!

Вика окаменела. Еще одна смерть за прошедшую ночь – кошмарная случайность или... *Или и на этот раз дело рук Виктора Титова?*

Она даже не удивилась и совсем не испугалась, когда увидела шествовавшего к ней навстречу со стороны зоомагазина объекта ее мыслей. Виктор Титов, как всегда, опрятно одетый, произнес с легкой улыбкой:

– Какое, однако, несчастье, не так ли? Мрут в этом городе людишки как мухи...

Вероятно, мелькнула у Вики мысль, именно так и выглядит самый что ни на есть настоящий бес – не с рожками, копытцами и хвостом и не как чудовище из западных фильмов ужасов, а как простой, даже приятный, хилый интеллигентный юноша.

– А ты почему не на учебе сегодня? – спросила Вика первое, что пришло в голову.

Титов, одарив ее взглядом своих арктически-ледяных глаз, пояснил:

– Да приболел. Как и ты, Вичка. Понимаешь, после того, *что* произошло прошлой ночью...

Со стороны их разговор был совершенно обыденным, более того, банальным, но от интонаций и полутонов, понятных только Вике, у нее в жилах стыла кровь.

– Пришлось *знатно* потрудиться, – продолжал тем временем Титов и уставился на подъезд, из которого двое молодых мужчин выводили под руки заплаканную, облаченную во все черное дородную женщину.

– Жена, – произнес он со знанием дела. – Точнее, теперь, конечно же, *вдова*... И в этом, Вичка, виновата исключительно ты!

– *Что?* – Вика покачнулась, чувствуя себя так, словно ее обухом по голове огрели.

Титов со вздохом заметил:

– Ну да, Вичка, ты, а кто же еще? Жил себе человек, не тужил. Взятки помаленьку брал. Пил в меру. Детишек настругал. Коптил небо над нашим милым городом. Планы строил. К любовнице ходил. А потом раз – и упал в канализационный люк. Ну, или ему *помогли* туда упасть... Дело нехитрое, в особенности если жертва не ожидает нападения и возвращается домой в потемках и к тому же сильно поддатая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.